

**ОБЗОР ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ В ИЗУЧЕНИИ
КАНТОВСКОГО ТЕОРЕТИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ,
ПРЕДСТАВЛЕННЫХ В МАТЕРИАЛАХ ЮБИЛЕЙНОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ**

Л. А. Калинин, А. Н. Тропольский

МАТЕМАТИЧЕСКИЕ И ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫЕ ВЗГЛЯДЫ И. КАНТА

Хорошо известно, что Кант-философ построил свою замечательную систему на прочном фундаменте — собственной деятельности ученого энциклопедического склада. Кант сказал свое слово, более или менее веское, практически во всех областях науки своего времени. Та универсальность, которой отличался Кант-ученый, для XVIII столетия была уже исключительной. Эпоха Возрождения, где всесторонность является правилом, была уже далеко позади. Дифференциация различных областей культуры достигла такого состояния, когда нельзя уже было быть носителем основных структур культуры, как это удавалось гениям Возрождения. Сама наука уже достаточно была специализирована в различных ее отраслях. Естественно, что кенигсбергский мыслитель не мог достичь равных успехов во всех этих отраслях без исключения. Лидером науки на долгих три столетия, начиная с XVII века, выделилась успешно математизируемая физика. В свой «докритический» период Кант наибольшие достижения имел именно в этой области науки, а в период «критический» основное внимание уделял ей же, считая подлинной наукой только ее теоретизированные фрагменты, в сфере которых применяется математика. Не случайно большое внимание в материалах конференции уделяется взглядам Канта на природу математического знания и роль математики в научном познании.

В сообщении О. И. Боровского (Киев) подчеркивается мысль о том, что в наследии Канта мы находим не просто совокупность философских проблем, а систему философии математики, которая наряду с аристотелевской системой наиболее значима в домарксистской философии. Хотя эта система и не изложена последовательно в каком-то специальном сочинении, представлена в фрагментарной форме в различных сочинениях, ее содержание определяется едиными принципами, а элементы ее связаны между собой настолько, что решение одних проблем детерминирует постановку и решение других.

Основные принципы этой системы, резюмирует В. Ф. Шевцов (Киев), заключаются в следующем: а) Кант отверг представление о пространстве и времени как формах существования

внешнего мира и представил их в качестве априорных форм чувственного субъекта; б) он открыл факт неаналитического характера математического знания, а его расчленение аналитического и синтетического было осознано как критерий разграничения логики и математики. Оба эти положения связаны с тем, что Кант первый обращается к анализу исторического процесса превращения эмпирической математики в математику теоретическую. Проблема соотношения эмпирического и теоретического знания — одна из сложнейших проблем гносеологии, которую, как показала история философии, не решить без применения диалектико-материалистической методологии. Кант имел в разработке гносеологических проблем как достижения, так и заблуждения. Вне поля зрения Канта, опирающегося на принцип априоризма, остается вопрос о том, каким должен быть уровень развития апостериорного знания, чтобы стал возможен переход к чистой математике, т. е. что должно представлять по своему содержанию и форме эмпирическое знание как одно из необходимых условий теоретизации математики. Априоризм игнорирует опосредованность теоретического эмпирическим. Кант не смог понять общественно-исторической определенности содержания понятий времени и пространства, полагая их в качестве априорных форм чувственности.

Указанные обстоятельства предопределили возможные направления в осмыслении кантовского учения о синтетических суждениях априори. Отрицание синтетического характера математического знания в лице логицизма и логического эмпиризма столкнулось с непреодолимыми трудностями. Можно согласиться с тем, что логицизму для оправдания своей программы необходимо доказать тавтологичность аксиом бесконечности и выбора, на что трудно надеяться. Генетическая связь понятия бесконечности с пространственно-временной структурой в практической деятельности может быть понята на основе идеи интериоризации внешних действий во внутренние мысленные действия. С этих позиций не выдерживает критики ни кантовский априоризм, ни гносеологическое противопоставление аналитических и синтетических утверждений как принципиально различающихся по своему происхождению и способу установления истинности форм знания в логическом позитивизме. Априоризм вообще возможен лишь как абсолютизация определенного, исторически сложившегося механизма деятельности сознания, отрыв его от практического освоения мира и потому представление его как не имеющего отношения к какому-либо опыту, но пригодного для теоретического воспроизведения любого возможного опыта. Жизненность идей Канта определяется не априоризмом, а их органической связью с реальным процессом научного познания.

В целом ряде сообщений анализируется полемика неопозитивистов с кантовским пониманием природы и сущности мате-

математического знания. Большое внимание уделяет этой полемике Г. Г. Шляхин (Ростов-на-Дону).

Наиболее распространенное толкование кантовского учения о математике, пишет он, сводится к представлению, что математические положения могут доказываться только путем обращения к наглядному представлению, которое дается априорными формами чувственности — пространством и временем. Основной категорией объявляется категория «созерцание», а характерной чертой математики — ее чувственный, наглядный характер.

Будучи так интерпретированной, кантовская философия математики дает повод для разрушительной критики в ее адрес. Особенно преуспели в этом отношении представители неопозитивизма, которые: а) объявили кантовское обоснование математического метода не соответствующим современному уровню развития математики; б) отрицали существование синтетического априорного знания.

Пытаясь спасти кантовскую философию математики перед лицом современной науки, известный финский логик Я. Хинтикка предложил неинтуитивную трактовку термина «созерцание». С его точки зрения, созерцание — это все то, что в сознании человека выражается как индивидуум. В этом случае кантовская характеристика математики как науки, основанной на конструировании понятий, будет означать, что она «связана» с постоянным введением единичных представлений общих понятий и проведением рассуждений в терминах таких единичных представлений.

Однако в кантовской концепции математического метода созерцание не играет такой основополагающей роли, как это подчас представляется. Для Канта важна не столько представимость понятия в созерцании, сколько процесс перехода от понятия к созерцанию. В этом плане математика для Канта имеет не созерцательный, а конструктивный характер.

В сообщении В. В. Целищева (Новосибирск), посвященном проблемам возможности логической экспликации философии математики И. Канта, попытка Я. Хинтикки встречает одобрение. Возможны, утверждает он, параллели между аргументами Канта о природе математических положений и соответствующими утверждениями о законах кванторной теории. Я. Хинтикка приводит восемь пунктов для обеих областей знания, где намечаются интересные параллели.

Понятие интуиции, по Канту, удовлетворяет условию единственности и должно быть непосредственно соотнесено с объектом интуиции. В отношении этих двух условий существуют различные мнения: Ч. Парсонс полагает их различными, в то время как, согласно Я. Хинтикке, второе условие есть простое видоизменение первого условия. Важность этой полемики заключается в том, что понятие интуиции может трактоваться как близкое к понятию сингулярного термина, и некоторые пробле-

мы философии Канта могут оказаться философскими проблемами кванторной логики. С другой стороны, подобная интерпретация взглядов Канта не оправдывается при анализе эмпирического знания. Без сомнения, логическая экспликация положений Канта поможет уточнить многие из них, отбросить все устаревшее и ошибочное и сохранить ценные для методологии дедуктивных наук моменты.

Канта занимали два, продолжает Шляхин, хотя и взаимосвязанных, но вместе с тем различных вопроса: вопрос о природе математики и вопрос обоснования возможности существования математики. В «Трансцендентальной эстетике» Кант пытается ответить на вопрос: «Как возможна чистая математика?» Ответ на этот вопрос надо отличать от ответа на другой вопрос: «Что собой представляет математика?».

Пространство и время у Канта выступают не только как чистые формы всякого чувственного созерцания, но и как предметы познания, т. е. в качестве самих созерцаний. Будучи предметом познания в математике, пространство и время уже являются не только интуитивными, созерцательными, но и рассудочными образованиями. Кант не отождествляет математический метод с априорным созерцанием. Математические объекты для него не образцы, а «чувственные понятия». Только будучи построенным, сконструированным, математический объект оказывается данным индивидууму в созерцании.

В кантовском учении о математическом методе важное место занимает понимание математики как совокупности синтетических априорных суждений. По этому поводу высказывались самые различные мнения. Кантовское понимание аналитичности и синтетичности может быть сведено к следующему: процедура будет аналитической, если не делается никаких новых построений, и, соответственно синтетической, если такие новые построения используются (остается неясным, правда, чем такое понимание отличается от традиционного, действительно идущего от Канта).

Сам термин *a priori* в философии Канта выполняет многочисленные функции. В частности, он выражает познание предметов возможного опыта. В этом смысле, по Канту, математика в основном связана с исследованием возможностей, она относится не столько к действительным, сколько к гипотетическим ситуациям.

Мнение Г. Шляхина об этом по-своему поддерживается В. Н. Николко (Симферополь), поскольку указанная способность математики дает ей возможность играть весьма важную эвристическую роль, участвовать в производстве естественнонаучных знаний. Всякое знание складывается из двух потоков — чувственного и рационального. Исследователь, производя знание, как бы высматривает в эмпирических констатациях тот материал, который подходит под заранее продуманные и отра-

ботанные схемы. Ни чувственные созерцания, ни заранее фиксированные организующие формы не являются знанием: без формы ощущения слепы, без ощущений формы пусты.

Основным поставщиком схем, формализмов, определений, организующих поток эмпирических констатаций и придающих им статус знания, служит математика. Поставляемые математикой формы носят характер, независимый от опыта науки, в которой применяются эти формы. Они существуют до открытия той предметной области, в которой найдут свое применение, поэтому соединение их с опытом носит формальный характер. Подобно тому, как любой чувственный материал подвержен анализу, под математические формы подводится любой экспериментальный материал. Математика как бы служит подспорьем, необходимым при построении знания, но бессмысленным вне этого процесса. По существу, математика ничем не отличается от приемов и методов познания — абстрагирования, синтеза, анализа, сравнения и т. д.

Таким образом, И. Канту удалось отразить одну из тенденций математики — быть аппаратом преобразования эмпирических констатаций, средством, методом получения знаний.

Серия рекурсивных определений, с помощью которых задается алфавит и словарный запас формул формализованных аксиоматик, неявные определения, с помощью которых формулируется аксиоматика и определяются первичные термины; формальные средства вывода, позволяющие строить логические объекты, не обращаясь к внешней реальности, дают возможность создавать мыслительные конструкции задолго до обнаружения той предметной области, абстракцией которой они могли бы быть.

Ясно, что никто не оценивает операцию сравнения, абстрагирования как истинную или ложную. Аналогично обстоят дела и с формальными конструктами — они могут не иметь никакого отношения к формам действительности, изучаемой в естествознании, они всего лишь преобразуют первичный материал. Применение формальных структур в естествознании позволяет представить эмпирический материал в новом, необычном для него качестве, обнаружить новые стороны и эффекты, подтолкнуть экспериментальную деятельность в ином направлении. Переход от формализованной схемы к экспериментальным результатам дает некоторую прибавку, некоторый прирост знаний по сравнению с исходными данными, подвергнутыми формализации, а именно, заставляет искать содержательные аналоги компонентам, введенным чисто формально (из соображений симметрии, простоты, инвариантности, многозначности решений уравнений и т. д.), как это было в случае предсказания электромагнитных волн, электромагнитного давления, открытия античастиц, нейтрино и т. д. Поэтому приращение знаний в современной теоретической физике осуществляется в основном путем представле-

ния известного экспериментального материала в формальных структурах большей информационной емкости, чем это нужно для отражения имеющегося фактического опыта.

Таким образом, кантовская идея о математике как средстве представления, переработки и переинтерпретации имеющегося материала нашла в современном естествознании широчайшее распространение.

В. Н. Хютт (Таллин) в своем сообщении «Идеи И. Канта и современное физическое познание» показывает, что не только методология математики, но общегносеологическая концепция Канта содержит ряд положений, оказавшихся удивительно плодотворными для современной науки. 150 лет — таков период между выходом в свет главного труда И. Канта (1781) и созданием квантовой механики в 20-х годах XX века. Но между идеями великого немецкого философа и «гносеологическими уроками» (Н. Бор) квантовой механики существует непосредственная связь.

Можно ли познать то, что нельзя представить? Кант допускал существование такой области реальности, которая непосредственно не воздействует на органы наших чувств. Возможно ли знание об этой области действительности? Если нет, то почему, а если — да, то каким образом? «...Здесь перед нами открылась бы совершенно иная область, как бы целый мир, мыслимый в самом духе (быть может, даже созерцаемый), который мог бы стать не менее и, пожалуй, даже более благородным предметом нашего рассудка»¹. Анализ проблемы привел Канта к отрицательному выводу: «...(познание) умопостигаемого требовало бы совершенно особого способа созерцания, не присущего нам; и так как мы им не обладаем, то умопостигаемое для нас ничто...»²

Для нас важен, однако, не ответ Канта, а подход к проблеме и анализ ее. Современная квантовая теория, по словам Л. Д. Ландау, позволяет нам оторваться от собственного воображения, открыть и осознать то, что нельзя представить³. Конфронтация идей Канта с познавательным механизмом квантовой теории позволяет полнее оценить значение философского наследия немецкого философа и его актуальность для современного физического познания. Кант был прав, утверждая, что знание возникает в результате взаимодействия как чувственности, так и рассудка. Из данности объекта в чувственности продуктивная способность воображения (фантазия) формирует предмет знания. Поэтому без данности объекта в чувственности, в созерцании знание невозможно: «Необходимо сделать чувственным всякое абстрактное понятие, т. е. показать соответ-

¹ Кант И. Соч., т. 3, с. 720.

² Там же, с. 327.

³ См.: Данин Д. Неизбежность странного мира. М., 1961, с. 276.

ствующий ему объект в созерцании, так как без этого понятие... было бы *бесмысленным*, т. е. лишенным значения»⁴.

Н. Бор в своей концепции дополнительности показал, каким образом возможно созерцание квантовых объектов, адекватно не представимых классическими образами. Это возможно на основе особого дополнительного моделирования⁵, имеющего своей основой так называемую вторичную наглядность: в образную модель входят результаты предшествующего абстрактного познания⁶. Эти элементы, связывая взаимоисключающие дополнительные модели, обеспечивают их синтетическое созерцание. Таким образом, становится возможным знание и понимание того, что нельзя непосредственно представить.

Для обоснования моментов всеобщности и необходимости в знании Кант предложил видеть суть теоретического познания в том, что не знания наши должны сообразоваться с предметами, но «что предметы должны сообразоваться с нашим познанием»⁷. В этом он видел основу открытого им «коперниковского» переворота в способе мышления, связанного с возникновением математического естествознания.

Аналогия с «коперниковским» переворотом И. Канта не вызывает сомнений и вполне объяснима с материалистической точки зрения: дело идет не о подчинении объекта познания законам разума, но о конструировании объекта знания по соответствующим законам предметной области. Объект познания и объект знания не одно и то же: «При переходе от первичного акта познания к знанию мы встречаемся с преобразованием *объекта познания* как естественного объекта в объект как способ усвоения естественного объекта в знании»⁸.

Существует известная аналогия между антиномиями Канта и дополнительностью Бора: взаимоисключаемость и взаимосвязь тезиса и антитезиса напоминают взаимоисключаемость и предполагаемость (необходимость) дополнительных моделей и типов классического описания. Наряду со сходством имеются и различия принципиального характера. Основанием схождения и различия служит в обоих случаях переход к новому типу философского мышления и физического знания соответственно. Эти идеи продолжил Ю. В. Таммару (Тарту), который обратился к проблеме симметрии пространства, служащей Канту аргументом в пользу абсолютности пространства — априорность не исключает абсолютности. Однако обе математические антино-

⁴ Кант И. Соч., т. 3, с. 302.

⁵ Хюгг В. П. Дополнительность Н. Бора и ее методологическое значение.— В кн.: Логика и методология науки. М., 1967.

⁶ Вальт Л. О. Познавательное значение модельных представлений в физике.— «Учен. зап. Тартуского ун-та», 1964, вып. 153.

⁷ Кант И. Соч., т. 3, с. 87.

⁸ Канак Ф. М. Измерение и проблема реальности в физике.— В кн.: Методологические проблемы теории измерений. Киев, 1966, с. 148.

мии, вопреки мнению самого Канта, оставили вопрос открытым; поэтому объективно под вопросом осталось мнение об абсолютности симметрии инверсии.

Значительно слабее отражены в материалах конференции те области научной деятельности Канта, которые в его время (вплоть до настоящего, требует отметить справедливость) были совершенно эмпирическими. Это не простая случайность, а естественная закономерность всего кантоведения. Как отметили Н. А. Боркович и Г. И. Яковлев (Ленинград) в своих тезисах «Этническая проблематика в мировоззрении Канта», если основные идеи и разделы философии Канта, оказавшие громадное влияние на философскую мысль и культурную жизнь последних двух веков, исследованы тщательно, то периферийные проблемы наследия кенигсбергского мыслителя иногда оказываются забытыми. Однако без их изучения мировоззрение Канта теряет всеобъемлющую целостность, а сами эти взгляды являются ценными документами истории культуры и духовной жизни общества. Сказанное всецело относится к развиваемым на протяжении десятилетий мыслям Канта о расах, народах, нациях и национальном характере.

Тот круг вопросов, который в настоящее время является предметом теории социально-этнических общностей, в XVIII веке входит уже не только в обыденное сознание эпохи, но находит место и в философской рефлексии, в частности, в работах Х. Шуберта, И. Зейме, И. Гердера, И. Канта. Эти идеи носят в значительной степени характер синкретизма и обладают как достоинствами, так и недостатками философии здравого смысла.

Вопросы этнического характера (мы вынуждены пользоваться обобщающим понятием этнического, отсутствующим в терминологии того времени) неоднократно поднимаются Кантом «космологически», в системе «*природа и человек*»⁹. Говоря современным языком, немецкий философ подходит к мысли о необходимости рассматривать этнические общности в связи с проблемами социальной экологии, в сфере взаимоотношений природы и человека. Соответственно в пределах двух наук — физической географии (наука о природе) и антропологии (наука о человеке) — ставится вопрос об этнических общностях — народах и нациях.

При всей своей исторической наивности целый ряд моментов Кант угадал удивительно пронизательно. В соответствии с общей критической направленностью своей философии он стремится объяснить происхождение рас, народов, национального характера естественными причинами, не прибегая к причинам теологического характера, к помощи актов творения, предустановленной гармонии. Это мы видим и в работе Канта «О различных человеческих расах» (1775), и в последней фундамен-

⁹ Кант И. Соч., т. 2, с. 462.

тальной работе «Антропология с прагматической точки зрения» (1798). Правда, естественно-научная последовательность выдерживается им не всегда.

Основными понятиями, которыми пользуется Кант, обращаясь к этническим проблемам, являются, помимо понятия «расы», понятие «нация» и «национальный характер». Важнейшим в этом ряду является понятие «народ»: «Под словом «народ» (*populus*), понимают объединенное в той или другой местности множество людей, поскольку они составляют одно целое»¹⁰. Примечательное само по себе подчеркивание целостности как признака народа дополняется своеобразным пониманием нации как части народа, «которая ввиду общего происхождения признает себя объединенной в одно гражданское целое»¹¹. Таким образом, в качестве этнических определений Кант выдвигает общность происхождения (мы бы сказали — общность «исторической судьбы») народа и наличие общего чувства, а точнее — понимание своей принадлежности к этому целому, того, что мы называем национальным самосознанием. Большой интерес представляют его многочисленные мысли и замечания о национальном характере.

Антропологические и этнографические идеи Канта были тесно связаны с его географическими идеями. Кант не расставался с мыслью о влиянии географической среды на общество и человека. В то же время Кант отстаивал идеи автономии ноуменальной стороны человека и общества. Этому кругу идей посвящены тезисы А. А. Куркова (Калининград) «Иммануил Кант как географ». В них отмечается, что И. Кант был не только известным философом, но и выдающимся натуралистом второй половины XVIII столетия. Только к географии и антропологии имеют отношение, по Г. Герланду, 27 сочинений Канта.

В отечественной литературе неоднократно предпринимались попытки анализа естественно-научных работ Канта, в том числе работ по географии (В. И. Вернадский, В. А. Анучин, Э. Л. Файбусович). Ряд зарубежных авторов в оценке методологического значения географических работ Канта выступает с идеалистических позиций (Ф. Адикес, Р. Хартшорн и др.).

Все основные географические труды И. Канта связаны с «докритическим» периодом его деятельности. Именно в этот период своего развития Кант стоял ближе, чем когда либо позже, к эмпиризму, к материализму и к материалистической диалектике.

К середине XVIII века, когда началась научная деятельность И. Канта, науки о Земле еще только начали формироваться. На первое место в этих науках вышел сравнительный метод исследования, значение которого в этих областях знания было

---

¹⁰ Там же, т. 6, с. 562.

¹¹ Там же.

показано Кантом еще в 1757 году. Кант не ставил экспериментов в области естествознания и не проводил наблюдений конкретных природных объектов. Обширная литература была для него основным источником фактов для научных обобщений.

И. Кант был талантливым популяризатором географической науки на уровне идей его времени. Одна из заслуг Канта как преподавателя состоит также в том, что он одним из первых ввел в немецкие университеты систематическое преподавание физической географии.

В лекциях И. Канта по географии, если судить о них с позиций современной науки, содержится ряд методологических ошибок, обусловленных в основном его философскими взглядами. Однако для своего времени лекции Канта по географии были известным достижением. В них Кант обобщил значительный фактический материал. В методическом плане он рассматривал общую и региональную географию в их единстве как два взаимообусловленных раздела одной науки. Это было шагом вперед даже по сравнению с появившимися позднее представлениями, отрывающими изучение Земли в целом от изучения отдельных ее частей. Кант признавал в своих лекциях наличие причинных связей между природой и обществом. Влияние природной среды на общество он рассматривал, прежде всего, как влияние географических условий общественной жизни, способствующих производственной деятельности людей. Такого рода подход к оценке влияния природы на общество был прогрессивным по тому времени, так как до Канта влияние природы на общество рассматривалось главным образом как влияние физиологического порядка. Содержание общей части физической географии (т. е. собственно физической географии) у Канта пронизывает исторический подход к явлениям природы. Между тем следует отметить, что взгляды Канта на сущность географии не отличались последовательностью.

Наиболее значительный вклад в развитие географических идей И. Кант внес своими научными работами, иногда мало связанными с процессом преподавания. В них он раскрылся наиболее полно как естествоиспытатель.

Знаменитая «Всеобщая естественная история и теория неба» И. Канта к географии имеет отношение постольку, поскольку в ней рассмотрено происхождение Вселенной, планет Солнечной системы, а следовательно, и Земли. Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге» и «Диалектике природы» неоднократно подчеркивал огромное значение космогонической гипотезы И. Канта как подрывающей «окаменелое» метафизическое мышление, господствовавшее в естествознании того времени, показал ее методологическое значение для наук о Земле, сожалел по поводу того, что гипотеза Канта долгие годы оставалась без развития, что задерживало движение естествознания вперед. Теория замедления

вращения Земли под влиянием приливов была также высоко оценена Ф. Энгельсом в «Диалектике природы».

И. Канта глубоко интересовали вопросы формирования рельефа Земли, вопросы климатологии и гидрологии. Можно считать, что он проложил путь к сравнительному планетоведению. Термин «естественная история» по содержанию, какое вкладывал в него Кант, может быть отнесен, нам думается, к одному из ранних и наиболее общих определений палеогеографии как науки.

Содержание географических работ Канта в целом соответствовало уровню знаний современного ему естествознания. В некоторых же из них он значительно опередил свое время. Однако в силу их смелости и необычности многие идеи Канта не были поняты его современниками и не получили развития.

В своих физико-географических работах Кант был чаще всего стихийным материалистом и диалектиком. Для XVIII века, когда в естествознании господствовали метафизические догмы о неизменяемости окружающей нас природы, научное мировоззрение Канта, особенно в «докритический» период его деятельности, было, несомненно, прогрессивным. И. Кант, наряду с Ж. Бюффеном и М. В. Ломоносовым, прочно и навсегда занял почетное место в ряду естествоиспытателей, в трудах которых была успешно развита и применена идея развития природы Земли во времени.

Стремление оставить бога как причину причин и, в конечном счете, творца всего существующего привела Канта к методологической позиции, противоречащей его же собственным диалектическим идеям. В этом отношении он в своем мировоззрении отставал от М. В. Ломоносова — своего русского современника.

Уже в естественно-научных трудах Кант постоянно обращается к проблемам методологии получения знания. Данные проблемы становятся основными в «критический» период его деятельности.

ПРОБЛЕМЫ ГНОСЕОЛОГИИ И МЕТОДОЛОГИИ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ И. КАНТА

Хорошо известен афоризм, согласно которому деятелей прошлого следует оценивать не по тому, что они не сделали или не поняли по отношению к современности, а по тому, что они сделали нового по отношению к своим предшественникам, иначе даже деяния выдающегося человека могут поблекнуть. Однако Иммануил Кант даже на фоне современной буржуазной философии мог бы сиять звездой первой величины, повторяем, если отсчет вести от состояния современной буржуазной философской мысли.

Не случайно Ф. Энгельс, В. И. Ленин отмечали, что дальше классиков буржуазной мысли, в том числе и Канта, философия

на буржуазной социальной почве двинуться не в состоянии. Это предел, его же не преjdeши. Можно от него отступить вспять, приблизиться вновь, но удалиться от этого предела как своего эпицентра буржуазная философия не в состоянии.

Именно поэтому особенный интерес приобретает оценка гносеологических идей Канта с марксистско-ленинских позиций, ибо только здесь появляются те естественные условия оценки, о которых говорилось ранее. Общая оценка такого рода и была осуществлена классиками марксистской философии, изучение каковой является чрезвычайно поучительным. Этому вопросу посвящено было сообщение В. П. Федотова (Ленинград) «Оценка В. И. Лениным гносеологии Канта в «Философских тетрадах». Он пишет, что философия Канта неоднократно была предметом пристального внимания основоположников марксизма-ленинизма, характеризовавших его как великого мыслителя нового времени, положившего начало проникновению диалектики в теоретическое естествознание, в учение о познании и мышлении, давшего тем самым мощный толчок дальнейшему развитию философской мысли.

Ленинские заметки по указанным вопросам даны в основном в конспектах трудов Гегеля, диалектический подход которого в критике философии Канта получил исключительно высокую оценку автора «Философских тетрадей». Этот подход В. И. Ленин ставил в пример марксистам, критиковавшим в конце XIX — начале XX века неокантианцев, по его словам, более по-фейербаховски (и по-бюхнеровски), чем по-гегелевски, т. е. более с вульгарно-материалистической, чем с диалектико-материалистической точки зрения, поскольку они лишь с порога отвергли рассуждения неокантианцев, а не исправляли, не углубляли, не расширяли их, — «как Гегель исправлял Канта»¹.

Внимательно проследившая критику Гегелем Канта, В. И. Ленин со многими замечаниями немецкого диалектика был согласен, а иные исправлял с материалистических позиций, отмечая, что «идеализм Канта Гегель *поднимает* из субъективного в объективный и абсолютный»². Высоко оценена мысль Гегеля о том, что Кант рассматривал диалектику не как произвольный прием логической обработки эмпирического материала, а в качестве неотъемлемого свойства познавательной деятельности человека: «Важная заслуга Канта ввести снова диалектику, признать «необходимым» (свойством) «разума»»³.

Внимание В. И. Ленина привлекли также заметки Гегеля об априоризме Канта, о его рациональном смысле, состоявшем в попытках раскрыть природу синтетической роли человеческого познания. Кант не сумел правильно истолковать психологиче-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 29, с. 161.

² Там же, с. 150.

³ Там же, с. 204.

скую природу синтезирующей деятельности сознания, названную им трансцендентальной апперцепцией. В кантовской апперцепции П. В. Копнин справедливо усматривает яркое выражение всех недостатков субъективизма и агностицизма. Но нельзя не учесть также стремление кенигсбергского философа выявить позитивную роль психического свойства единства сознания, устремленного на познание сущности вещей⁴.

Эту рациональную мысль понял, стремился сохранить и истолковать в объективно-идеалистическом духе Гегель, характеризовавший это положение как великое достижение философской мысли, хотя и квалифицировал всю систему Канта как «психологический идеализм».

В. И. Ленин в согласии с Гегелем выписал замечания диалектика о кантовской апперцепции, отметив, однако, стремление Гегеля истолковать ее объективно-идеалистически. В конспектах имеется замечание Гегеля: каков предмет в мышлении, таков он есть вначале в себе и для себя (а у Канта — в созерцании он есть явление).

Значительную ценность для материалистической теории познания В. И. Ленин усматривал также в характеристике Гегелем кантовской трактовки познавательной роли понятий. Здесь критика одним идеалистом другого дала материализму весьма важные результаты, учитывая которые Ленин вслед за Энгельсом отметил, что главное опровержение агностицизма Канта дано уже Гегелем, поскольку, по словам Ленина, *«Гегель опровергает Канта именно гносеологически»*⁵.

Существо названного Лениным «главного опровержения» агностицизма состояло в том, что скептицизм, по Гегелю, в оценке наших знаний основывается на пренебрежении к обобщениям, понятиям, которые сторонники эмпиризма ставили ниже чувственных восприятий и представлений, поскольку при абстрагировании утрачивается часть чувственного материала. Иными словами, Кант в трактовке познавательной роли понятий следовал традициям эмпиризма XVIII века, которому Гегель противопоставил диалектическое толкование преимуществ логического познания по сравнению с чувственным.

Материалистически перерабатывая идеи Гегеля, В. И. Ленин отметил, что Гегель вполне прав по существу в своей критике Канта. Мышление, восходя от конкретного к абстрактному, подходит к истине. «Абстракция материи, закона природы, абстракция стоимости и т. д.; одним словом, *все научные... абстракции отражают мир глубже, вернее, полнее»*⁶.

---

⁴ Ныне кантовский принцип апперцепции нашел материалистическое истолкование в советской психологии (см. работы С. Л. Рубинштейна, Е. В. Шороховой, К. К. Платонова и др.).

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 29, с. 151.

⁶ Там же, с. 152.

На примере гегелевской критики кантианства В. И. Ленин учил марксистов, как нужно подходить к оценке разных идеалистических систем в целях дальнейшего углубления и развития материалистической диалектики, теории познания и логики. В этом отношении ленинские записи представляют собой классический образец диалектико-материалистического анализа историко-философского процесса, на котором будут учиться многие поколения марксистов-ленинцев.

Важнейшим для дальнейших судеб развития философии было кантовское учение об активности субъекта в процессе познания, доведенное до идеи «практического» разума, которой суждено было лечь в основу диалектико-материалистической концепции практическо-теоретического освоения мира. Этот вопрос рассматривается в тезисах Т. А. Буачидзе (Тбилиси), К. Н. Любутина (Свердловск), В. А. Жучкова (Москва), В. И. Метлова (Горький), О. Ф. Погорелова (Одесса).

Т. А. Буачидзе анализирует кантовское тождество логико-гносеологических и онтологических моментов, показывая, что с Канта бытие начинает пониматься как конкретное, наполненное качественно определенным содержанием лишь постольку, поскольку оно является результатом творческого воссоздания в мышлении. Бытие приобретает конкретность только в результате его освоения познанием. То, что в основе данного «освоения» лежит освоение практическое, было осознано только Марксом, опиравшимся на диалектическую концепцию бытия Гегеля. Он пишет, что критика традиционной метафизики, данная Кантом в «Трансцендентальной диалектике», касается рациональной психологии, рациональной космологии и рациональной теологии, но совсем не затрагивает один из основных компонентов метафизики — онтологию. Этот факт говорит об особом отношении кенигсбергского философа к онтологическим проблемам и к онтологии вообще.

На основании отождествления Кантом условий бытия предметов с условиями их познания онтологическая проблематика превратилась в составную часть учения о человеческом мышлении. Бытие предметов научного познания, по Канту, обусловлено конструирующей деятельностью научного мышления, и постольку проблемы онтологии не упраздняются, но сводятся к проблемам логики. Эта «логизация» онтологии наряду с идеалистическими пороками содержала и рациональные моменты, способствующие выработке диалектического миропонимания. С одной стороны, отождествление в философии Канта онтологических условий с условиями логико-гносеологическими означало понимание человека как созидającego, активного, творческого субъекта. С другой стороны, указанное отождествление способствовало «динамическому», диалектическому пониманию сущности бытия, так как у Канта бытие предметов мыслится не как нечто абсолютно статичное и исключяющее момент становления, а как

результат синтетически-творческой деятельности мышления. Антропологическая (в широком смысле) направленность кантовской философии обусловила тот факт, что в сфере «теоретического» и «практического» разума исходной оказывается определенная конструкция субъекта и объекта, — продолжает развитие данных идей К. Н. Любутин. Эти категории, в понимании Канта, многосторонни, их содержание отнюдь не ограничивается познавательным аспектом, который обычно и выделяется в современной марксистской философии.

Что такое объект? Это — конструкция субъекта. Он возникает в результате априорного синтеза чувственных восприятий (данных в априорных формах пространства и времени) и рассудка, совокупности априорных категорий. Рассудок «мыслит предмет сам по себе, однако только как трансцендентальный объект»⁷. Объект — продукт трансцендентального опыта, и в качестве такового он может быть только продуктом специфического, а именно: трансцендентального субъекта. О такого рода субъекте и идет речь в пределах «критического идеализма». Субъект, в сущности, есть чистая трансцендентальная деятельность творческого воображения. Его структура включает продуктивную силу воображения, лежащую в основе априорных форм, трансцендентальное единство апперцепции, априорное созерцание и априорный рассудок, формы которых синтезируются с помощью воображения и апперцепции. Кант усматривает в «трансцендентальном субъекте» не только познавательную способность, он указывает на «воление». Безусловно добрая воля характеризует субъект с «практической стороны». Принцип воли — категорический императив. Нравственное действие субъекта направлено на самого себя. Субъект выступает, таким образом, и объектом. Поскольку волевой субъект определяет себя, он свободен. Абсолютно несвободный эмпирический субъект оказывается абсолютно свободным в качестве умопостигаемого субъекта. Таким субъектом является человек. Его необходимость и свобода отнесены к противоположным мирам.

Таким образом, пишет он, «критическая философия» содержала догадки о «деятельном» характере связи субъекта и объекта, попытку преодолеть «робинзонаду» и выделить в индивидуальном действии и познании черты, обусловленные на индивидуальным целым, обществом.

Гносеологические условия, при которых «практическое» взаимодействие субъекта и объекта определяет теоретическое, исследованы В. А. Жучковым. Ключевыми моментами здесь являются следующие: 1) признание вещи в себе как причины, обуславливающей познавательный процесс и являющейся источником объективного содержания познания; 2) кантовское понимание теоретического знания (опыта) как двуединого,

⁷ Кант И. Соч., т. 3, с. 333.

объективно-субъективного образования; 3) фиксация этой внутренней противоречивости знания в диалектическом разуме в форме антиномий (в частности, антиномии свободы и необходимости); 4) использование «идеи свободы» в качестве основания и условия практического применения разума.

Антиномия свободы и необходимости у Канта, с одной стороны, воспроизводит противоречивую структуру знания, с другой — создает предпосылки для перехода ко второй части метафизики. Но сама эта проблема перехода от теоретического разума к практическому и общая структура ее решения воспроизводит, правда, в превратной, метафизической форме, некоторые закономерности противоречивого перехода от наличного знания, фиксированного в необходимых и общезначимых формах теоретического познания («опыта», «сферы сущего», по определению Канта) к новому знанию (к «должному», практическому познанию сверхчувственного» в терминологии Канта). Вопреки субъективным установкам, агностическим и метафизическим выводам объективная логика решения Кантом исходной проблемы «критики» имеет вполне реальное гносеологическое и, по существу, диалектическое содержание. При этом заслугой Канта является то, что проблему существования и обоснования свободы он связал с вопросом о существовании объективного мира («вещи в себе») как источника и объекта познания. В кантовском трансцендентальном обосновании метафизики свобода по своей гносеологической функции оказывается диалектически связанной с категорией необходимости, составляя, наряду с последней, существенный момент познавательной деятельности, которая одновременно является объективной и субъективной, активно-преобразующей и пассивно-постигающей, свободной и необходимой и т. п. Связав проблему свободы с проблемой перехода от теоретического к практическому разуму, Кант избежал метафизического отождествления свободы и необходимости, при котором субъект и его свобода выступают лишь в качестве пассивных, репродуцирующих компонентов.

М. К. Петров (Ростов-на-Дону), развивая эту мысль, высказал положение, согласно которому не только антиномия свободы и необходимости выражает столкновение продуктивного и репродуктивного типов деятельности.

В социологическом контексте все антиномии чистого разума четко фиксируют границу между миром творчества (тезисы) и миром социализированного знания (антитезисы). Мир антитезисов оказывается при этом парадигматикой научного творчества — суммой требований к продукту научной деятельности, выполнение которых обеспечивает его социализацию. Мир тезисов, напротив, есть мир научной деятельности, в котором живущее поколение находится в сфере «свободной причинности».

В известной мере эту мысль можно признать справедливой. В. Ф. Овчинников (Калининград) продуктивный и репродуктив-

ный способ мышления связывает с деятельностью разума и рассудка соответственно, полагая правомерным подход, согласно которому рассудок и разум — различные ступени исторического развития человеческого мышления. Речь, видимо, может идти об исторически сменяющих друг друга стилях мышления. Проблеме чувственного и рационального в философии Канта было посвящено сообщение А. В. Славина (Смоленск), где он пишет, что именно Кант первым в истории философии сформулировал задачу преодоления односторонностей сенсуализма и рационализма, обратив внимание на такие моменты в познавательной деятельности человека, которые свидетельствовали о внутренней связи и взаимопроникновении «чувственности» и «рассудка».

Кант, однако, сталкивается с той же теоретико-познавательной трудностью, на которую обратил внимание в свое время Г. Лейбниц. Он обнаружил, что, с одной стороны, всякое познание начинается с опыта, с другой стороны, не все то, что человек знает, приходит к нему из опыта. Знания, носящие всеобщий и необходимый характер, не могут вытекать непосредственно из чувственного опыта, который, во-первых, имеет дело с единичным и случайным, а во-вторых, в каждый данный момент не может считаться завершенным.

При этом Кант правильно заметил, что в познавательных актах без некоторых понятий просто невозможно обойтись. Он объявляет их чистыми, априорными, т. е. предшествующими опыту и независимыми, не выводимыми из него. Всеобщность и необходимость, по мнению Канта, есть имманентные свойства этих понятий рассудка. Но здесь сразу же обнаруживается трудность «подведения созерцаний под чистые рассудочные понятия», т. е. невозможность созерцания категорий, например, причинности и других, посредством чувств⁸.

Кант пытается найти такие формы познания, которые каким-то образом сочетали бы в себе чувственное и рациональное, т. е. были бы ни тем ни другим в отдельности, а чем-то третьим. Таковой является «трансцендентальная схема», которая строится из априорных форм чувственного созерцания — пространства и времени, так как, с одной стороны, они однородны с категориями, а с другой — принадлежат чувственности. К априорным формам рассудка он добавляет еще и априорные формы созерцания. Истинное научное знание возникает лишь при условии синтеза чувственных форм созерцания с рассудочными рациональными формами познания. Условием такого синтеза Кант считал априорное самосознание, которое было специально рассмотрено Л. А. Скворцовой (Москва).

М. А. Розов (Новосибирск) большое значение в преодолении Кантом противоречия между эмпиризмом и рационализмом

⁸ Кант И. Соч., т. 3, с. 220—221.

придает кантовской идее «конструирования» понятия. С его точки зрения, под конструированием понятий Кантом фактически понимается конструирование идеальных объектов (идеализаций), что предполагает активность субъекта.

Л. А. Сулова (Москва), а также В. И. Габченко (Коломна) показали в своих выступлениях, что проблема синтеза чувственного и рационального встает перед Кантом не сама по себе, а в связи с проблемой природы и структуры научного познания, с вычлениением эмпирического и теоретического уровней научного познания.

Кант исходит из реального факта существования двух видов научного знания, существенно отличающихся друг от друга по содержанию, по степени приближения к абсолютной истине, утверждает Л. А. Сулова. Эта особенность познания нашла у него выражение в разделении знания на апостериорное и априорное.

К апостериорному, или эмпирическому, он относит знание, имеющее свой источник в опыте (непосредственном или опосредствованном). Однако, согласно мыслителю, существует знание, безусловно независимое от всякого опыта, от всех чувственных впечатлений. Это априорное знание. Его источником является сама структура познавательной способности человека. Следует отметить, что в трактовке априорного Л. А. Сулова допускает упрощение. По Канту, априорное представляет собой лишь чистую форму знания, но не само знание. Априорное знание лишь условно можно назвать знанием.

Поставив глубокую диалектическую проблему качественного различия эмпирического и теоретического знания, Кант подходит к ее решению с метафизических позиций. Однако в кантовской концепции апостериорного и априорного знания заслуживает внимания ряд обстоятельств.

Во-первых, весьма примечательно, что в качестве критериев выделения эмпирического и теоретического у Канта выступает специфика способов получения знания, его всеобщности и необходимости. Разумеется, указанных признаков далеко не достаточно для полной характеристики эмпирического и теоретического знания. На первый взгляд, указанные критерии очень немногие и довольно абстрактно говорят о содержании знания. Но если учесть, что в состав априорного знания мыслитель включает основные общенаучные, математические и естественно-научные категории и принципы, безусловно, являющиеся высшим достижением теоретического знания того времени, то уже из этого следуют глубокие выводы относительно содержания познавательного образа. Всеобщее и необходимое знание, как его понимает Кант, есть, по существу, знание сущности высших порядков. Конечно, в агностической теории познания Канта нет и не может быть понятия сущности, но именно этот факт мыслитель выражает в запутанной априоризмом форме.

Освободив рассуждения Канта от агностицизма и априоризма, мы можем сказать, что априорное знание, как его понимает Кант, есть знание глубокой сущности предметов объективного мира.

Во-вторых, в кантовской концепции апостериорного и априорного знания находит отражение то обстоятельство, что посредством мышления познание выходит за пределы опыта, создает понятия, не имеющие непосредственного чувственного коррелята. Посредством таких понятий и достигается знание сущности в необходимых и всеобщих суждениях.

В связи с этим встает проблема обоснования теоретического знания с использованием различия аналитических и синтетических суждений, рассмотренная в сообщении А. Н. Троепольского (Калининград) «Кант и Лейбниц о проблеме аналитического и синтетического».

Кантовское понимание проблемы аналитического и синтетического, отмечает он, имеет черты сходства и различия с лейбницевским пониманием данной проблемы. Так, определение аналитического суждения через понятие «включения предиката в понятие субъекта суждения» является общим для Канта и Лейбница по отношению к суждениям субъектно-предикатной структуры. С другой стороны, различия в трактовке аналитического и синтетического проявляются в следующих моментах:

а) Класс аналитических суждений у Лейбница совпадает с классом всех истинных суждений, в то время как класс аналитических суждений у Канта составляет лишь подкласс данного класса.

б) Аналитические суждения у Канта противопоставлены синтетическим суждениям, что не имеет места у Лейбница. В связи с этим Канту по праву принадлежит историческая заслуга постановки проблемы аналитического и синтетического в явном виде.

в) Концепция аналитического у Лейбница является итогом его онтологических и гносеологических исследований; напротив, для Канта дихотомия аналитического и синтетического — исходный методологический принцип его философских исследований.

г) у Канта синтетические суждения *a priori* суть критерий научности знания. У Лейбница же рациональные (конечно-аналитические) и фактические (бесконечно-аналитические) истины не репрезентируют соответственно научное и ненаучное знание, а констатируют лишь различные области научного знания, т. е. область дедуктивного и индуктивного научного знания.

д) Для Канта математика есть область синтетического априорного знания; для Лейбница, напротив, — чистого аналитического знания.

е) Для Лейбница характерно признание интеллектуальной интуиции как конечной инстанции «непосредственного усмотрения разумом истинности тождественных положений». Позднее

эта гносеологическая предпосылка была воспринята современными логицистами, ведущими свое начало от исследований Г. Фреге. С другой стороны, от Лейбница ведет свое начало тезис о том, что аналитические истины (для Лейбница — конечно-аналитические истины) являются истинными во всех возможных мирах. Как известно, понятие «возможных миров», освобожденное от лейбницевских теологических допущений, стало одним из основных в современной логической семантике и весьма плодотворно используется как для экспликации аналитических и синтетических суждений ассерторической логики (Карнап) и установления семантики модальной логики (Крипке), так и, в конечном счете, для обоснования необходимости теоретического знания в современной логике науки (поздний Карнап).

Напротив, для Канта характерно признание чувственной интуиции как конечной инстанции обоснования предложений чистой математики в акте априорного синтеза. По-существу, кантовское чистое созерцание *a priori* есть идеалистическая форма представления рациональной идеи об активности ума, плодотворно используемой в современной математике в контексте диалектико-материалистической теории познания. В то же время кантовские гносеологические предпосылки обоснования математики значительное влияние оказали на формирование гносеологических взглядов таких лидеров интуиционистского направления в обосновании математики, как Пуанкаре, Брауэр, Вейль и др. Таким образом, от Канта и Лейбница ясно прослеживаются пути к современным направлениям в обосновании теоретического знания.

Занимаясь проблемами строения и обоснования теоретического знания, И. Кант в «Трансцендентальной логике» высказывает ряд замечательных диалектических идей, которые не остаются вне внимания философов-марксистов. Особенно активно обсуждаются различные аспекты кантовского понимания природы философских категорий, их роли в научном мышлении, условия и способы их систематизации. Этим вопросам посвящены сообщения В. Н. Борисова (Куйбышев), Г. В. Тевзадзе (Тбилиси), В. В. Агудова и Е. К. Яковлева (Горький), М. И. Проскурина (Нежин), В. Я. Перликова (Москва). Так или иначе касается их большинство исследователей творчества великого родоначальника классической немецкой философии. Категории выступают у Канта, пишет В. Н. Борисов, в качестве синтезирующих форм мышления, посредством которых конкретные понятия связываются друг с другом в логическом акте суждения. Категории оказываются сторонами или моментами самой этой логической формы суждения. Выражаемое суждением знание не сводится поэтому к синтезируемым понятиям, т. е. к «материи» суждения, оно включает содержание соответствующей категории, т. е. абстрактное содержание самой логической формы суждения.

Выяснение содержательного характера логических форм мышления составляет рациональный смысл трансцендентальной логики Канта, но в целом его учение о категориях рассудка характеризуется рядом существенных недостатков.

В отличие от Аристотеля, у которого роды сказывания соответствовали родам бытия, Кант отрывает абстрактное содержание логических форм мышления и выражающие это содержание категории от объективного мира. Он рассматривает их как присутствующие самому мышлению априорные его свойства. Это связано с неисторическим пониманием логических форм. Кант рассматривает их как данные, даже не ставя вопрос об их происхождении.

Наконец, различные логические формы суждений и соответственно различные категории рассматриваются Кантом как однопорядковые. Они не образуют последовательных ступеней движения познания. В целом учение Канта о категориях остается метафизическим.

Разработка проблем категориального синтеза знаний в марксистской философии предполагает использование положительно содержания кантовского учения при безусловном преодолении его пороков.

Система категорий Канта, констатирует Г. В. Тевзадзе в докладе «Система категорий в философии Канта как план развития классического немецкого идеализма», представленная в таблице категорий рассудка, знаменует новый этап в истории осмысления понятия «система». Если до Канта системная организация знания принималась в основном как дидактическое средство изложения имеющегося знания, то у Канта система стала необходимым критерием научности знания. Система должна, по Канту, представлять специфическую структуру предмета науки и одновременно познание этого предмета.

Кант убежден, что на основе обобщения эмпирического материала познания невозможно достигнуть строгой и законченной, т. е. замкнутой системы (а иная не заслуживает его внимания). Идея замкнутой, априорной системы, выдвинутая Кантом в «Критике чистого разума», свое предельное выражение находит в системе Гегеля.

Идея системы является путеводной нитью для открытия категорий. Образование внутренне связанной системы знаменовало достижение цели, исчерпание возможных первичных понятий. В свою очередь, такая система сама становится путеводной нитью для дальнейшего обоснования возможности теоретического познания и вообще исследования человеческого сознания.

Системность философии Канта не означает дедуктивного или эманативного выведения всего содержания из одного принципа, а скорее подведение под один объединяющий принцип первичных элементов, которые необходимы друг для друга. Такой системой является таблица категорий Канта. Эту таблицу легко

проследить не только в остальных «Критиках» Канта, но и в «Наукоучении» Фихте, в «Системе трансцендентального идеализма» Шеллинга и в «Науке логики» Гегеля.

Заслугой Канта является установление системы, основанной на внутренней взаимосвязи основных элементов, а также установление необходимой связи между суждениями и категориями. В этом аспекте попытки Фихте вывести основные законы формальной логики из основных положений «Наукоучения», а также начинание Гегеля, направленное на оживление диалектическим содержанием «окаменевших форм» традиционной логики, являются развитием идей Канта.

Таблица категорий рассудка дается Кантом как своеобразная структура первичных воздействий рассудка на чувственную многообразность созерцания, лишенную какой-либо взаимосвязи. Таблица показывает, как рассудок постепенно, начиная с простейшего, вводит в этот материал взаимосвязь, создавая предмет в связи с другими предметами опыта и потом оценивая его.

Представляя третью категорию как синтез первых двух и тем не менее принципиально новый вид связи, Кант противопоставляет таблицу как схему для развития познания, убывающей схеме (триаде) неоплатоников, где исключается появление нового как высшего. Этим Кант является продолжателем традиций Бёме, основоположника теории развития в идеалистической философии нового времени.

Крах системы Гегеля в буржуазной философии и науке был воспринят и как крах системности. Буржуазная философия отвернулась от рационализма и от замкнутых систем. Фридрих Ницше рельефно выразил эту тенденцию, сказав, что «воля к системе является недостатком совести». Это было добровольным отказом идеалистической философии от научности.

Возможно ли использование механизма антиномий при выведении новых философских категорий? — так поставили вопрос В. В. Агудов и Е. К. Яковлев. Кант, как известно, категорий не выводил, он взял систему категорий как данную, как основные априорные понятия рассудка, с помощью которых последний осуществляет синтез наглядных представлений, подводя их под формы, придающие суждениям всеобщий и необходимый характер. Отсюда, опираясь на формальную логику, Кант дает таблицу категорий, которая лишь в отдельных своих чертах содержала элементы диалектического самодвижения, саморазвития. Кант отказался, таким образом, от исследования происхождения категорий, фактически дав лишь их номенклатуру, но не их теорию.

В дальнейшем у Гегеля, напротив, господствует генетический подход к системе философских категорий. И хотя Гегель не смог вскрыть объективного (материального) основания системы категорий, многие важнейшие элементы закономерностей

ее развития (аспекты внутренней логики развития системы категорий) были им исследованы. В основу развития системы категорий Гегель положил новый, разработанный им же метод — восхождения от абстрактного к конкретному. Источником движения (восхождения) от абстрактного к конкретному выступили внутренние противоречия (антиномии), возникающие между различными аспектами понятий в процессе их логико-исторического взаимоотношения друг с другом, и разрешения этих противоречий, в результате чего происходило «отпочковывание» новых категорий от уже существующих.

Кант, придя к антиномиям, делает вывод об ограниченности знания, его неспособности проникнуть в сущность мира. По Гегелю же, мышление антиномично потому, что антиномична его объективная основа (абсолют). У Гегеля разрешение антиномий — это фактическое примирение в синтезе. Однако синтез — это и становление, т. е. антиномия здесь уже выступает (хотя и не до конца последовательно) источником развития системы категорий, а следовательно, и источником развития познания.

У К. Маркса (прежде всего в «Капитале») логико-генетический механизм антиномий получил всестороннее развитие (что было исследовано в ряде работ И. С. Нарского). К. Маркс начинает свой анализ вскрытием внутренних проблемных логических противоречий — антиномий «товара», в частности между стоимостью и потребительной стоимостью, между абстрактным и конкретным трудом, между частным и общественным характером труда и т. д. Эти антиномические противоречия выступают как «зародышевые», они требуют своего логико-гносеологического разрешения на базе диалектического метода. Реализация этого процесса приводит к последовательному возникновению и становлению новых категорий. Так шаг за шагом логически раскрывается вся система существующих отношений и категорий, отражающих их, и делаются выводы о перспективах дальнейшего развития этих отношений.

Особенность понимания К. Марксом диалектики антиномий познающего мышления (в отличие от Гегеля) — в их рассмотрении в непосредственной связи с формально-логическими закономерностями мышления.

Антиномия у К. Маркса — это диалектическое противоречие, которое одновременно включает в себя и формально-логическое противоречие, являющееся не продуктом ошибочного мышления, а следствием изучения и анализа (на определенных этапах познания) объективных процессов. Возникшая антиномия — это не признак бессилия разума познать сущность «вещи в себе», как у Канта, а постановка теоретической проблемы, которую необходимо разрешить путем формирования принципиально нового знания, которое уточняло бы существо диалектического противоречия и снимало бы формально-логическое противоречие. Антиномия у К. Маркса становится, таким образом,

важнейшим источником развития теории, который в философском плане представлен, прежде всего, в развивающейся системе категорий материалистической диалектики.

Соглашаясь в целом с постановкой и решением вопроса, хотелось бы отметить в связи с этим несколько моментов. Во-первых, механизм выведения категорий «работает» у Гегеля только в пределах триад, но подобного рода выведения мы встречаем уже у Канта. Во-вторых, нет оснований рассматривать в качестве антиномии любое теоретическое противоречие или заострять его до антиномической формы. И в-третьих, Маркс использовал механизм антиномий для решения конкретно-научных, политэкономических проблем. Отсюда еще совсем не ясно, можно ли и как можно использовать механизм антиномий для выведения новых философских категорий.

Хорошим заключением данного раздела может быть сообщение В. И. Шароградского (Ленинград) «Проблема метафизики в критической философии И. Канта», где говорится о системе основных способностей метафизического познания. Кроме теоретического разума, такую систему составляет разум практический и способность суждения, которые поднимают свой круг проблем философии, но которые используют логико-методологические достижения «чистого теоретического разума».

Д. М. Гринишин

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ И. КАНТА

Во всей сложной и противоречивой философской системе Канта следует выделить особо социальную проблематику. В нашей философской литературе эта проблема исследована наиболее слабо. Можно, конечно, утверждать, что сам Кант в конечном счете не смог научно объяснить явления общественной жизни. Однако не менее важно выяснить рациональные моменты в кантовском решении социальных проблем с тем, чтобы обеспечить дальнейшее развитие социального познания с учетом уже достигнутого в истории философии.

Многие из исследователей Канта, выступавшие на конференции, как раз и посвятили свои выступления раскрытию позитивных элементов в кантовской постановке и решении социальных проблем.

Его учение о человеке, об абсолютной ценности и достоинстве личности, о противоречивом развитии и конечной цели человечества, об условиях жизни общества, о правовом гражданском обществе, высказывания о культуре, морали, религии, о войне и мире, о значении философии в жизни общества и прогрессе дают основание сделать такой вывод: любая затронутая Кантом про-

блема прямо или косвенно связана с объяснением исторического процесса как в докритический, так и в критический период его деятельности.

Все это позволяет утверждать, что Кант внес весомый вклад в развитие социального познания, в создание теоретических предпосылок исторического материализма.

Социальное знание появляется, вероятно, с момента становления самих социальных систем и развивается вместе с ними, проходя ряд этапов и принимая различные исторические формы. В связи с этим встает проблема выявления и классификации различных видов социального знания в плане его исторического развития. Анализ этой проблемы посвятили свои выступления доценты В. А. Конев и Л. А. Конева (Куйбышевский университет). Они считают, что можно выделить четыре типа социального знания.

— Социальное знание как отражение социальных отношений в виде определенных идей и нормативов, которые непосредственно вплетены в социальную практику человека, регулируют и направляют ее. Исторически — это первый тип знания.

— Социальное знание существует также в виде определенной системы идей и нормативов, которые не находят реального воплощения в действительности, не включаются в непосредственную практику, оставаясь утопическими системами.

— Социальное знание как знание о той или иной системе общественных нормативов, а через них о самой социальной реальности (такова юриспруденция, этика и т. д. в домарксистском общественнознании). Этот тип знания выступает уже не как нормативное, а прежде всего как научное знание.

— Социальное знание в форме научных теорий общественного развития, которые рассматривают, что собою представляют сами по себе социальные системы, каковы законы функционирования и развития этих систем и т. п.

В истории философии с момента ее зарождения появляются все типы социального знания, но на разных этапах развития философии тот или иной тип знания выступал основным. Так, начало нового времени связано с господством знания третьего типа, а с XIX века на первое место выходит знание четвертого типа.

«Критика практического разума» И. Канта сыграла решающую роль в переходе от знаний третьего типа к знаниям четвертого типа.

Определяя цели своих «Критик», Кант, пишут авторы тезисов, выдвигает две задачи:

1) доказать, что чистый практический разум существует в практическом сознании общества в виде общего, присущего суждениям обыденного разума;

2) доказать, что это общее и есть специфического рода нормативность. Доказать существование чистого практического ра-

зума для Канта — значит обосновать существование априорных конструкций, лежащих в основе максим субъективных волей.

Авторами отмечается, что в априорных конструкциях теоретического разума Кант мистифицированно выразил общественную сущность характера познания. Согласно им, априорные конструкции практического разума — это идеалистически искаженное сознание реального факта — общественной природы всяких нормативов. Стремясь избежать вывода нормативов из эмпирических условий социальной жизни, Кант хочет найти сущность общественных норм в самой общественной жизни. В терминологии Канта это значит найти основания воли в себе самой, а не вне себя. Поэтому категорический императив есть не что иное, как общественное содержание всякого норматива деятельности человека. Социальность для него и выступает как нормативность — как необходимая, без всяких условий существующая связь людей.

Кант, таким образом, нащупал «субстанцию» социального в самой нормативности практического сознания и подверг анализу эту нормативность как таковую. В этом был и шаг вперед в развитии социальной науки, с одной стороны, и тупик, с другой.

Положительная роль, которую сыграла «Критика практического разума» в развитии социального знания, состояла в том, что Кант показал невозможность развития социального знания третьего типа как знания о социальных нормативах. Наука, по Канту, должна заниматься общим, а не ситуативным. Поэтому социальная наука, по Канту, это наука о практическом разуме, чистом от конкретных интересов и исторических ситуаций. Тем самым Кант доводит до логического конца третью форму существования социального знания. Если это знание об общем, то оно может быть только формальным, а не содержательным. Формализм и априоризм образуют тупик, в который зашло знание третьего типа. Дальше двигаться в этом направлении уже нельзя.

Перед Кантом стоит новая проблема — найти основание нормативности или природу социальности, понятой как нормативность. Здесь проявляется необходимость в исследовании уже не самой нормы, даже не ее формы — нормативности; здесь должен быть выход за пределы сознания. По Канту, это выход в свободу как особый ноумен. И тогда социальное знание есть знание о свободе как основании нормативности, что является уже знанием четвертого типа. Свое развитие этот тип знания получает у Гегеля, который, решая проблему идеалистически, находит обоснование в абсолютном сознании; подлинное решение проблема находит в философии К. Маркса, в анализе реального общественного бытия как социальной системы.

Кант же, ограниченный как своей философской системой — априоризмом и формализмом, — так и действительным уровнем развития социального знания его времени, сумел поставить про-

блему обоснования общей природы всякой нормативности (и в этом смысле — проблему специфики социального знания и социального познания), но не сумел ее решить. Чисто формальное должностное, свободное от заинтересованности в результатах деятельности, характеризует кантовское этическое учение как утопическое. Это доказывает, что подлинно научное социальное знание не может существовать без органической связи с реальной социальной практикой, вырастая из нее и управляя ее развитием.

Определенное место в кантологии занимают вопросы выяснения соотношения стихийного и сознательного в историческом процессе. На конференции эта проблема рассматривалась с разных сторон. М. М. Шитиков (Свердловск) считает, что со времени появления известной работы В. Ф. Асмуса «Маркс и буржуазный историзм» в советской историко-философской науке утвердился взгляд на Канта как на фаталиста в понимании исторического процесса. История для Канта — эмпирический процесс, протекающий целиком во времени, а всякое событие или действие, совершающееся во времени, лежит вне власти тех, кто это действие совершает. «Поскольку Кант отстаивал реальность свободы, он вынужден был уничтожить специфическую определенность законов истории в абстракциях чисто морального и трансцендентного по отношению к чувственному миру прогресса. Напротив, поскольку Кант допускал рассмотрение истории в ее конкретном чувственном содержании, он, в сущности, превращал историческое развитие в чисто природное, исключавшее всякую возможность найти в нем какую бы то ни было свободу»¹.

М. М. Шитиков полагает, что подобная оценка философии истории Канта не вполне справедлива. Строгий дуализм Канта в «Критике практического разума» уступает место глубоким диалектическим идеям в работах 1784—1798 гг., посвященных проблемам развития общества. Делая существенный шаг вперед, Кант конкретизирует условия реального осуществления в истории «доброй воли». Моральный прогресс и природное развитие оказываются в истории не разделенными, а находящимися в диалектическом единстве. Кант создает учение о надиндивидуальном характере объективной исторической необходимости, которая реализуется через свободную деятельность индивидов, составляющих человеческий род, и приводит к полноте гражданской свободы и моральному единству человечества. Тем самым проблема соотношения необходимости и свободы находит свое решение у Канта как проблема соотношения стихийного и сознательного в историческом процессе. Например, в известном положении Канта, открывающем работу «Идея всеобщей исто-

---

¹ Асмус В. Ф. Маркс и буржуазный историзм. — «Избр. филос. труды», 1971, т. 2.

рии во всемирно-гражданском плане», написано: «Какое бы понятие мы не составили себе с метафизической точки зрения о свободе воли, необходимо признать, что *проявления* воли, человеческие поступки, подобно всякому другому явлению природы, определяются общими законами природы. История, занимающаяся изучением этих проявлений, как бы глубоко ни были скрыты причины, позволяет думать, что если бы она рассматривала действия свободы человеческой воли в совокупности, то могла бы открыть ее закономерный ход; и то, что представляется запутанным и не поддающимся правилу у отдельных людей, можно было бы признать по отношению ко всему роду человеческому как неизменно поступательное, хотя и медленное, развитие его первичных задатков»². Кажется бы, речь идет о понимании истории как природного процесса. Но что рассматривает Кант как «цель природы» в истории? Развитие первичных задатков человеческого рода. В других работах Кант говорит о технических, прагматических и моральных задатках³ (или о задатках животности и личности⁴) и подчеркивает, что технические и прагматические задатки развиваются ради осуществления моральных, ибо лишь в этом полностью реализуется человеческий разум. Оказывается, что природные задатки человека направлены на применение его разума и развиваются полностью не в индивидуе, а в роде, так как разум «нуждается в испытании, упражнении и обучении, дабы постепенно продвигаться от одной ступени проницательности к другой»⁵. Таким образом, цель природы — становление человечества как практического разума, достижение морального совершенства. «Эмпирическая» история выступает как моральный прогресс, хотя этот последний, казалось бы, имеет отношение лишь к человеку как «вещи в себе», а не к «проявлениям воли».

Более того, Кант рассматривает «цель природы» — моральное совершенство человечества — не как фатально predetermined конечный пункт, к которому ведет всемирная история. То, что человеческий род будет творцом своего счастья, нельзя заключать априори из природных задатков. «Природа хотела, чтобы человек все то, что находится за пределом механического устройства его животного существования, всецело произвел из себя и заслужил только то счастье или совершенство, которое он сам создает свободно от инстинкта, своим собственным разумом»⁶. «Цель природы» для индивида — должностное, регулятивный принцип его действия. Следует привести необычайно яркие строки Канта: «...благодаря успехам просвещения кладется начало для утверждения образа мыслей,

² Кант И. Соч., т. 6, с. 7.

³ См. там же, с. 575—578.

⁴ Кант И. Соч., т. 4, ч. 2, с. 27—30.

⁵ Там же, т. 6, с. 9.

⁶ Там же, с. 9—10.

способного со временем превратить грубые природные задатки нравственного различия в определенные практические принципы и тем самым *патологически* вынужденное согласие к жизни в обществе претворить в конце концов в *моральное целое*⁷. Таким образом, то, что для индивида возможно лишь как ничем внешним не обусловленная революция в образе мыслей (свободный выбор нравственного закона), то в истории предстает как развитие общества через насильственно создаваемую легальность к моральному совершенству. «Добрая воля» постепенно формируется просвещением⁸, а предпосылка просвещения — принуждение к легальному поведению. Всемирно-гражданское состояние — лоно, в котором разовьются все первоначальные задатки человеческого рода. «Только в обществе, и именно в таком, в котором членам его предоставляется величайшая свобода, а стало быть, существует полный антагонизм и тем не менее самое точное определение и обеспечение свободы ради совместимости ее со свободой других — только в таком обществе может быть достигнута высшая цель природы»⁹.

Кант высказывал порой довольно пессимистические идеи о возможности достижения морального совершенства¹⁰. Но показательна иная тенденция: признается возможность сознательных действий, в принципе приближающих общество к этой цели. Это деятельность философов, публично просвещающих умы¹¹, это деятельность законодателей и верховных правителей¹². Таким образом, стихийная историческая необходимость не исключает, по Канту, а предполагает свободу индивида и сознательную деятельность по моральному совершенствованию общества.

Нам представляется, что последние исследования советских историков философии по проблеме субъекта и объекта в философии Канта¹³ позволяют сделать вывод о закономерности попыток мыслителя соединить свободу и необходимость в историческом процессе. Немецкий философ продолжил и углубил идеи философии истории Просвещения на основе понимания активной роли субъекта и зарождения системного подхода к субъекту познания и моральной практики. Но нельзя модернизировать его взгляды, считать разрешенной Кантом ту сложнейшую диалектическую проблему, которая не была решена и Гегелем, как это делает М. М. Шитиков. Только Марксу удалось теоретически строго ее решить.

⁷ Кант И. Соч., т. 6, с. 11—12.

⁸ См. там же, с. 20.

⁹ Там же, с. 12—13.

¹⁰ См. там же, с. 14.

¹¹ См. там же, с. 19.

¹² См. там же, с. 18, 22.

¹³ См.: Любутин К. Н. Проблема субъекта и объекта в немецкой классической и марксистско-ленинской философии. Свердловск, 1973, с. 20—35. Здесь вычленяется «трансцендентальный субъект» познания и действия у Канта как мистифицированный общественный субъект.

Определенное место в работе конференции заняло обсуждение вопроса об отношении Канта к религии. Значительный интерес в этом плане представляли выступления профессора И. М. Заксаса (Каунас), доцента И. Е. Горохова (Калининград), А. А. Малич и Л. И. Бондаренко (Харьков). Выступающие исходили из известного высказывания Канта об отношении к религии: «...мне пришлось ограничить знание, чтобы освободить место вере...» Насколько же субъективные намерения мыслителя и объективный результат его решения проблемы совпали? Известно, что знаменитая небулярная гипотеза, впервые научно объяснившая возникновение Солнечной системы из огромного газопылевого облака разреженных в пространстве частиц материи, послужила мощным оружием в руках материалистов и атеистов в борьбе против идеализма и теологии, распространявшей библейский миф о сотворении мира богом.

«Ограничивая» знание, Кант в то же время в рамках агностицизма и априоризма пытался решить проблему возможности науки как общеобязательного и необходимого знания. Философии, сводившей свой предмет к учению о боге, мире и душе, Кант отказал в ранге науки. Он отверг традиционные доказательства бытия бога. Телеологическое «доказательство» бытия бога основывается на факте удивительной целесообразности красоты и гармонии в природе. В таком случае, возражает Кант, за творцом нужно признать и антигуманную практику в создании несовершенств в жизни; нищеты, войн, эпидемий, голода и других человеческих страданий. Из наблюдений над природой, заключает Кант, нельзя доказать, что существует бог. Научное доказательство бытия бога невозможно, но столь же невозможно, по Канту, и научное опровержение его существования. Идея бога есть выражение выхода разума за пределы опыта, бог никак не проявляет себя в опыте субъекта, но есть «вещь в себе», а «вещь в себе» не познаваема. Идеи бога, свободы воли, бессмертия души — не знания, а объекты веры.

Кантовская концепция науки и религии направлена своим острием против наивно-просветительного понимания природы религии, сводившего ее к обману и заблуждению, не видевшего различия между наукой и идеологией. Напротив, Кант, субъективно стремясь «освободить место вере», подчеркивал научную недоказуемость ее регулятивных постулатов, и тем самым объективно низводил религию до уровня ненаучной идеологии. Утверждение превосходства практического разума над теоретическим означало признание одного из проявлений примата социального интереса над истиной, оказавшейся противоречащей этому интересу. В кантовском противопоставлении веры и знания, науки и религии выражена догадка о различии социальных функций науки и идеологии. В ошибочном утверждении о невозможности научного опровержения существования бога содержалась догадка о недостаточности, неэффективности чисто теоре-

тической, чисто научной критики религиозной идеологии, о том, что идеологию, имеющую практическую природу, нельзя преодолеть лишь теоретическим путем.

А. А. Малич и Л. И. Бондаренко отметили прогрессивные моменты учения Канта об автономии нравственности. Истинная нравственность, по Канту, немыслима без свободы. Поклонение, культ не возвеличивают объект культа, а, напротив, принижают его, ибо в основе последнего лежит принуждение, а истинное почитание предполагает свободу. Источником религии и нравственности является, согласно Канту, не божественное откровение, а практический разум. Идея бога не ниспослана сверху, а рождается из противоречий нравственного сознания самого человека. Религия — не основание, а следствие морального образа мысли. С одной стороны, «мораль не нуждается в религии, с другой — «мораль неизбежно ведет к религии». И хотя провозглашенная автономность нравственности оказалась декларативной, поскольку вера в бессмертие души и бога как гаранта справедливости не может не оказывать влияния на нравственность верующего, тезис об автономии подрывал влияние религии и вызвал яростную критику ее ортодоксальных приверженцев, в частности, православных.

Антирелигиозную направленность приобрела и идея Канта о безусловном достоинстве личности, о личности как самоцели, а не средстве.

Положения Канта о том, что религия возникает не из теоретического познавательного отношения человека к действительности, а как необходимость в рамках нравственного сознания, практического разума, звучат весьма актуально в настоящее время.

Л. И. Бондаренко и А. А. Малич считают, что религия на всех этапах становления и развития возникает именно из практического отношения человека к действительности; гносеологические корни определяют лишь форму религии; идеализм как философское направление возникает в ходе познавательного теоретического отношения к действительности, сформировавшегося с разделением труда на умственный и физический; идеализм, в отличие от религии, проистекает из трудностей мыслительной деятельности, раздувает отдельные стороны познания, что закрепляется классовым интересом эксплуататоров.

Канту, как и его предшественникам, свойствен неисторический подход к человеку, исходящий из представлений о неизменной человеческой природе. Отсюда его рассуждения в духе религиозных традиций об изначально злом в человеческой природе, средством обуздания которого служит нравственность. Подходя к сознанию вообще и к нравственному сознанию в частности неисторически, Кант увековечивает его противоречия, а тем самым и созданную им «религию разума». Кантовская «религия в пределах только разума» (как впоследствии и геге-

левская) имеет очень мало общего с историческими религиями, с христианством¹⁴. Однако «разумная» религия Канта едиодушна с историческими формами религии в перенесении осуществления свободы, справедливости, бессмертия в потусторонний мир. Тем самым Кант и объективно, и субъективно примиряется со злом, несправедливостью в этом мире, оправдывает их. Подчеркивание ненаучного характера религиозной веры не может заслонить того факта, что Кант примиряется с ненаучной формой идеологии, узаконивая свою «религию разума». Он не допускает возможности научной идеологии.

Ограниченность кантовского понимания природы религии, которое он целиком разделяет со своими предшественниками, заключается также в том, что это понимание не выходит за узкий горизонт «робинзонады» — рассматривает религию лишь как результат размышления изолированного индивида, а не как продукт общественной системы.

Итак, отношение Канта в критический период к важнейшим религиозным догмам является двойственным. С одной стороны, Кант признает существование бога и бессмертие души в первую очередь эстетическими аргументами. С другой стороны, немецкий мыслитель в «Критике чистого разума» подвергает критике важнейшие религиозные догмы.

Профессор И. Закас раскрыл эти две стороны кантовского дуализма об отношении религии и науки так. Во второй антиномии «чистого разума» доказывается тезис: мир имеет начало во времени и ограничен в пространстве. Этот тезис вполне согласуется с религиозной идеей творения мира. Вместе с тем доказывается антитезис: мир не имеет начала во времени и границ в пространстве. Антитезис о бесконечности мира во времени и пространстве не совместим с идеей творца, подрывает религиозную догму сотворения мира.

Определенный антитеологический заряд имеет антитезис третьей антиномии, который гласит: нет никакой свободы, все совершается в мире только по законам природы.

В антитезисе четвертой антиномии, который гласит: нигде вне мира нет никакой абсолютно необходимой сущности, как его причины — прямо отрицается бог как причина мира.

Кант подверг обстоятельной критике теологические доказательства бытия бога — онтологическое, космологическое, телеологическое.

Немецкий философ уделил внимание другой важнейшей догме религии — бессмертию души, подверг критике идущее от Платона теологическое понимание души как простой субстанции.

Критика Кантом важнейших религиозных догм встретила отрицательную реакцию со стороны католической церкви. Не-

---

¹⁴ Кант стремится максимально освободить религию от представлений о сверхъестественном, отвергает веру в чудеса, молитвы, откровение, выступает против церковной институционализации религии культа.

смотря на явные уступки религии, которые содержит «Критика чистого разума», выдающийся труд немецкого философа был включен в перечень запрещенных книг.

История общественного развития после Канта практически продемонстрировала, что наука не только в силах доказать несостоятельность религии в глазах отдельных ученых, но способна вытеснить религию из массового сознания, если не прямо, теоретически, то косвенно, практически, в той мере, в какой результаты научного творчества становятся непосредственной производительной силой, проникают в опредмеченной форме в быт масс, изменяют условия жизни, характер отношений между людьми и, наконец, способ их мышления. В то же время история показала, что чисто теоретической критикой религию нельзя вытеснить из массового сознания. Не принижая значения научно-теоретической критики религии, марксизм подчеркивает примат практической критики религии.

В выступлениях И. С. Андреевой (Москва), П. А. Ковалева (Кишинев), Г. Л. Фурманова (Москва), В. Ф. Шалькевича (Минск) подробно обсуждался трактат Канта «К вечному миру», изданный в 1795 г. В нем запечатлелись отсветы бурных событий французской революции. Кант говорил о буре революции, вызванной дурным устройством общества. Он признает несомненную справедливость восстания народа против тирана и низложения его. В то же время он считает в высшей степени несправедливым такой способ борьбы подданных за свои права; и уж совсем морализующим филистерством звучит такое умозаключение: «Они не могут жаловаться на несправедливость, если потеряют поражение в этой борьбе и вследствие этого подвергнутся самым жестоким наказаниям»¹⁵. Ход этой мысли, ее двойственность и непоследовательность является отражением социально-политической слабости немецкой буржуазии, ее противоречивого отношения к историческим событиям эпохи.

Выступая проповедником правовой основы «гражданского общества», Кант видел в республике, в буржуазной социальной системе то, что соответствует «человеческой природе», противопоставляя их феодальной сословности и произволу. Он осуждает утверждения идеологов, «власть имущих», что народ не созрел для свободы. Кант хорошо знал историю, знал многочисленные официальные описания больших событий и трактаты о народных движениях, о войне и мире.

Среди множества трактатов о мире кантовский выделяется глубиной философской мысли, обоснованностью доводов, продуманностью принципов, на основе которых только и возможно, по мнению философа, добиться установления вечного мира. Однако трактат Канта утопичен уже потому, что он не понимал,

---

¹⁵ Кант И. Соч., т. 6, с. 304.

что для осуществления вечного мира необходимо изменение экономической структуры общества.

Начав работу с напоминания о сатирической надписи на вывеске голландского трактирщика, на которой призыв к вечному миру был изображен рядом с кладбищем, Кант тем самым констатирует реальное состояние проблемы, неосуществимость этой задачи в близкой перспективе. Однако он не видит в ней и несбыточности, «пустой идеи», не осуществимой в жизни. Кант ставит перед собой задачу найти для решения проблемы вечного мира основание в «механизмах природы» и моральной философии. Допускается, что великий философ, хотя и понимал неосуществимость в его время идеи вечного мира, однако был убежден в том, что человечество в будущем придет к этому миру, и разработал целую программу мероприятий, приближающих людей к осуществлению этой идеи.

Кант не связывал осуществление вечного мира с нравственным усовершенствованием людей, с превращением их в ангелов. Напротив, он полагал, что если общество будет состоять из одних только дьяволов, то и в этом случае оно неизбежно придет к вечному миру в результате общественных противоречий, как движущей силы истории. Природа, по Канту, использует человеческую неуживчивость, чтобы «посредством войн и требующей чрезвычайного напряжения, никогда не ослабевающей подготовки к ним, посредством бедствий, которые из-за этого должны даже в мирное время ощущаться внутри каждого государства», побудить людей сначала к несовершенным попыткам, а затем, «после многих опустошений, разрушений и даже полного внутреннего истощения сил» к тому, чтобы выйти из беззаконного состояния диких и достигнуть вечного мира¹⁶.

Философ констатирует, что в реальной действительности отсутствует мост, связывающий теорию и политическую практику. Кант отдает себе отчет в том, что в условиях федеральной раздробленной Германии и засилья феодализма на большей части европейского континента философское обоснование необходимости вечного мира может рассматриваться как крамола. Задав риторический вопрос, не является ли вечный мир сладким сном, который снится философам, Кант ищет спасительную оговорку в том, что политик-практик с гордым самодовольством смотрит свысока на теоретика, ибо идеи не опасны для государства, которое исходит из принципов, основанных на опыте. «Государственный муж, *знающий свет*, может не обращать внимания на исход игры, как бы удачны ни были ходы его партнера»¹⁷.

Определенный интерес представляет констатация И. Кантом различия между государством и землей, на которой оно находится. Здесь в эмбриональном и абстрактном виде фактически

¹⁶ Кант И. Соч., т. 6, с. 15.

¹⁷ Там же.

анализируется соотношение материального и духовного, экономики и политики. Трудность проистекает именно из абстрактного подхода, который не позволяет подойти к пониманию специфики явления в его конкретности и классово-историческом содержании. Государство определяется как «сообщество людей, повелевать и распоряжаться которыми не должен никто, кроме него самого»¹⁸. Здесь, по существу, общество и государство выступают как нечто слитное, аналитически не расчлененное.

И. Кант пронизательно констатирует печальную, но бесспорную истину: мирный договор кладет конец данной войне, но не военному состоянию государств, что правители, дипломаты, юристы всегда могут найти предлог для новой войны. Чтобы войны не пожирала силы общества и созданные людьми ценности, Кант предлагает, прежде всего, уничтожение постоянных армий — причины роста обременительных расходов общества, короче, покончить с тем, что в наших условиях называется «гонимой вооружений».

Идея И. Канта о ликвидации постоянных армий непосредственно направлена против профессиональных вооруженных сил, военной феодальной организации. Но содержание этого тезиса выходит за пределы буржуазного политического горизонта, включает в себе рациональный зародыш, получивший свое развитие и конкретизацию на принципиально новой социальной и мировоззренческой основе.

Аргументация Канта относительно уничтожения постоянных армий носит абстрактно-гуманистический характер, основывается на указании о несовместимости с правами человека превращения людей в орудия и машины для убийств. Он считает военные кредиты важным источником, питающим войны и облегчающим подготовку к войне: «Эта легкость ведения войны, связанная со склонностью к ней власть имущих, которая кажется присущей человеческой природе, представляет собой большое препятствие к миру»¹⁹.

Великий гуманист решительно осуждает военную экспансию европейских государств в Америке, Азии, Африке, колониальные захваты, истребление коренного населения. Он обосновывает законное право народов на добровольное ополчение для защиты от агрессивных соседей и чужеземных завоевателей.

Особый интерес представляют кантовские запретительные законы (*leges prohibitivae*), регулирующие отношения между государствами. Среди них наибольшее внимание заслуживает закон, признающий все государства, независимо от их величины, равными и суверенными, а также законы, запрещающие содержание постоянных армий и вмешательство во внутренние дела других государств.

---

¹⁸ Кант И. Соч., т. 6, с. 260.

¹⁹ Там же, с. 290.

И в настоящее время актуально замечание Канта о том, что с развитием культуры народы сближаются, а торговля развивается. Дух торговли, по мысли философа, всегда против войны.

В окончательных (дефинитивных) статьях договора о вечном мире между государствами Кант выдвинул ряд интересных положений. Во-первых, он требовал, чтобы «гражданское устройство каждого государства» было республиканским. Он рассчитывал, что при этом условии для решения вопроса о том, быть или не быть войне, необходимо будет согласие граждан. Следует подчеркнуть, что Кант тут явно переоценил буржуазную демократию, которая не представлялась ему столь фальшивой, лицемерной и лживой. Во-вторых, Кант в указанных статьях настаивал на союзе свободных государств, призванном обеспечить мир. Не менее важной идеей является договор, который Кант называет добровольной федерацией государств, поясняя, что свободная ассоциация государств должна быть союзом народов, который, однако, не следует подменять государством народов. Задача этой ассоциации поддерживать мир, а не делать приобретения. Кант поясняет большую важность придания этой ассоциации универсального характера. Здесь некоторым образом сформулирована идея, в которой предвосхищается то, что в наше время воплотилось в Организации Объединенных Наций как инструмент мира между народами.

Для вечного мира недостаточно желания всех отдельных людей, для достижения этого необходимо не дистрибутивное единство, а коллективное единство, пояснял Кант. Он усматривал в коллективном единстве объединяющее основание для общей воли к вечному миру. В этой мысли Кантом выражена смутная и неявная догадка о принципиальной, объективной предпосылке вечного мира, которая стала реально возможной лишь с победой социалистического общественного строя, превращающего такую общую волю из мечты в реальность.

Поскольку философ не имел никакого реального основания для концепции вечного мира в уходящем феодальном обществе и шедшем ему на смену буржуазном обществе, а исключения войны из социальных отношений в действительности нельзя было достигнуть, он вынужден был взывать к абстрактному разуму и моральной законодательной власти как к высшим духовным инстанциям осуждения войны. Именно они, по Канту, вменяют в обязанность мирное состояние, которое может быть обеспечено договором народов.

И. Кант стремится найти в самой действительности те силы, которые приведут к всеобщему и вечному миру. Он их усматривал в «механизме природы», который надо использовать. Диалектический подход Канта заключается в следующем: приняв тезис о природной склонности человека ко злу, эгоизму, неизбежно приводящей к противоречиям, хаосу войны всех против всех, он затем устанавливает факт преодоления хаоса

разумными существами, которые создают государство и законы. Дело идет, пояснял он, не о моральном совершенствовании, а о действии «механизма природы».

Основание утверждения вечного мира усматривается в природе. По существу же, то, что Кант называл «механизмом природы», есть диалектика противоречия: война — это вынужденное средство в естественном состоянии, но войны же вынуждают людей заключить вечный мир путем создания постоянной ассоциации государств для его соблюдения. В этом заключено противоречивое действие «механизма природы», которая и разъединяет народы, приводит к войнам, и в то же время с ростом культуры сближает людей, вызывает общее стремление жить в мире.

«Разум недостаточно просвещен, чтобы осмыслить преобладающие причины, позволяющие предсказать счастливый или дурной результат поведения людей»²⁰. Но он указывает нам, как действовать в соответствии с долгом и для достижения конечной цели, он светит нам достаточно ярко. Следуя правилам мудрости, мы поймем, что противоположность между политикой и моралью абсурдна, что они должны быть соединены, хотя практика не подтверждает этого. Объективно, по Канту, т. е. в теории, нет спора между политикой и моралью. Субъективно же это противоречие остается²¹.

Истинная политика, писал Кант,— это честность. Политика не может сделать шага вне единства с моралью. Всей политике следует преклонить колени перед правом, ибо право человека священно. Право «одно только могло бы навсегда основать мир»²². Это явная утопия. Кант отдает себе отчет в противоречии между его идеалистическим принципом долженствования и необходимостью как сцеплением причинно-следственных связей в действительности. Он провозглашает априорные принципы права и декларирует устройство государства как объединение его со всеми другими государствами «по чистым принципам права»²³.

И. Кант завершает свое сочинение оптимистическим аккордом. Он выражает уверенность в том, что вечный мир — не пустая идея, а задача, которая разрешается постепенно и становится все ближе к осуществлению. Термины, формулировки Канта обусловлены его эпохой, состоянием культуры, понятийного аппарата философии. Но то, что у философа XVIII века получило абстрактно-логическое и идеалистическое обоснование, наша современность наполнила определенным конкретно-историческим содержанием. «Если бы по воле судеб какой-либо могучий и просвещенный народ имел возможность образовать

²⁰ Кант И. Соч., т. 6, с. 290.

²¹ См. там же, с. 300—301.

²² Там же, с. 301.

²³ Там же, с. 300.

республику (которая по своей природе должна тяготеть к вечному миру), то такая республика служила бы центром федеративного объединения других государств, которые примкнули бы к ней, чтобы в соответствии с идеей международного права обеспечить таким образом свою свободу и с помощью многих присоединений все шире и шире раздвигались бы границы союза»²⁴.

По своей известности трактат «К вечному миру» может быть поставлен рядом с его «Критиками», но по своей политической актуальности, по своему злободневному звучанию он неизмеримо превосходит их. Немецкий марксист профессор Иенского университета им. Ф. Шиллера Георг Менде неоднократно отмечал, что идеи Канта о мирном союзе государств, о поддержании всеобщего мира «представляют собой самое драгоценное достояние немецкой национальной культуры». Поэтому можно с уверенностью сказать, что это произведение «...в потоке философской литературы стояло и всегда будет стоять точно каменные глыбы Ниагары» (М. Мюллер), привлекая внимание находящихся у подножия кантовской философии и обзоревающих ее неуютные вершины людей своей глубочайшей гуманностью и ригористической простотой.

Отмечая, что Кант боролся за мир совсем в других условиях и что его трактат был утопичен, мы, однако, считаем своим долгом выразить немецкому философу свое глубокое уважение за его благородное стремление к вечному миру, за его заботу о будущем человечества. Его трактат о вечном мире в целом созвучен той программе, за осуществление которой борются миллионы простых людей во всем мире.

Социалистическое общество с его программой мира стало притягательным центром, который привлекает к себе все человечество.

Доценты А. А. Гатинян и Л. А. Цветинович (Калининград) посвятили свои выступления анализу кантовского понимания права.

Для кантовского понимания права, отметили они, важное значение имеет свобода. Она реализуется в целесообразной деятельности человека как нравственного существа. Повинуясь голосу «практического разума», человек осуществляет свои требования «категорического императива». При этом свобода возможна только в сфере волевого акта. Воля является субстанцией права. Категорический императив реализуется лишь тогда, когда он целиком и полностью определяется разумом. Но поскольку воля автономна, то индивидуальная свобода может превратиться в произвол, т. е. в ограничение свободы другого человека.

---

²⁴ Кант И. Соч., т. 6, с. 274.

Таким образом, ничем не ограниченная свобода превращается в свою противоположность. Но это сделало бы невозможным существование гражданского общества и государства, в основе которых лежит «общественный договор». Последний трактуется Кантом не как исторический факт, а как необходимая идея обоснования права с позиций категорического императива. Что же необходимо для того, чтобы свобода воли одного человека не была бы ограничением свободы других лиц? По мнению Канта, для этого необходимо право, которое он определяет следующим образом: «Право — это совокупность условий, при которых произвол одного лица совместим с произволом другого с точки зрения всеобщего закона свободы»²⁵. Следовательно, основным принципом права является совмещение свободы людей и осуществление ее в определенных границах согласно общему закону.

Право, по мнению Канта, в отличие от этических норм, предназначено для регулирования внешних отношений между людьми. Поэтому правоотношения Кант относит всецело к сфере «легальности», усматривая в ней совершение действий, внешне согласующихся с требованиями юридических норм, без учета моральных мотивов поведения. Иначе говоря, право объективно принуждает людей, независимо от субъективного отношения человека к конкретному юридическому требованию. Поведение человека будет морально только в том случае, когда нравственное правило становится внутренним мотивом его деятельности.

В политико-правовой концепции Канта своеобразное место занимает государство. Во-первых, оно является носителем принудительной силы, без которой право не может быть реализовано. Право без принудительной силы бессильно. Во-вторых, в отличие от Гоббса и Гегеля, абсолютизовавших государство, Кант отводит государству роль охранителя законов, прав и свобод. В историю политической мысли Кант вошел как один из теоретиков «правового государства». Он пишет: «Государство — это объединение множества людей, подчиненных правовым законам»²⁶. Идея «правового государства» — это выражение требования соблюдения государством и его органами правовых предписаний, установление твердых пределов для проявления государственной власти. Данная теория объективно была направлена против абсолютистского произвола.

Несмотря на априоризм, формализм и внеисторичность категорий и некоторые отрицательные выводы, сделанные Кантом вопреки требованиям категорического императива, необходимо отметить, что его понимание права было частью более общего вопроса в систематическом обосновании либерализма — идейной платформы класса капиталистов.

---

²⁵ Кант И. Соч., т. 4, ч. 2, с. 139.

²⁶ Там же, с. 233.

Представляет известную ценность и то, что Кант не сводил право только к положительному праву, исходящему от воли законодателя. Думается, что свобода, общий закон, ограничение произвола и некоторые другие понятия, которыми оперирует Кант для объяснения права, дают при их диалектико-материалистическом толковании необходимые критерии для относимости юридического акта к праву. Нельзя, например, в этом аспекте к праву отнестись совокупность правил, установленных фашистским государством. Только марксистская методология может дать истинные критерии для правильного понимания права. И тут необходимо максимально использовать все то положительное, что имеется в правовом наследии Иммануила Канта.

Определенную ценность представляют идеи Канта в уголовном праве. Эту мысль развивал А. Л. Цветинович.

Философия Канта явилась основой для формирования соответствующей системы идей в области уголовного права. Как отмечалось, философия Канта и вытекающая из нее правовая теория выражали классовые интересы экономически слабой, склонной к политическому компромиссу с аристократией немецкой буржуазии, напуганной размахом французской революции.

Проблема ответственности решается Кантом на индетерминистической основе. Кант полагал, что человек в качестве «вещи в себе» обладает неограниченно свободной волей, рассматривая право как «совокупность условий, при которых произвол одного (лица) совместим с произволом другого с точки зрения всеобщего закона свободы»²⁷. В обоснование ответственности он выдвигал следующий тезис: «...когда определенное проявление свободы само оказывается препятствием к свободе, сообразной со всеобщими законами (т. е. неправым), тогда направленное против такого применения принуждение... бывает правым; стало быть, по закону противоречия с правом также связано правомочие применять принуждение к тому, кто наносит ущерб этому праву»²⁸.

Закон, по мнению Канта, это положение, содержащее категорический императив (воление). Кант указывал на наличие вины за некоторый совершенный поступок, если он противоречит категорическому императиву, принятому к руководству в форме уголовного закона.

Требование в качестве обязательного условия ответственности лица за совершение поступка выражало интересы буржуазии, выдвигавшей в противовес феодальному правовому произволу принцип буржуазной законности. Это требование выражает прогрессивные элементы идей Канта об уголовной ответственности, несмотря на то, что в основе их и лежит методологически порочная платформа идеалистического субъективизма.

---

²⁷ Кант И. Соч., т. 4, ч. 2, с. 139.

²⁸ Там же, с. 141.

Дуалистическая и в конечном счете идеалистическая трактовка Кантом понятия причинности оказала существенное влияние на формирование многими буржуазными криминалистами теорий причинной связи в уголовном праве. При этом некоторые из них, придерживаясь уголовно-правовой теории равноценности условий (*Conditio sine qua non*), основывающейся на механическом понимании причинности, сочетают ее с кантианским взглядом на причинность как субъективную категорию. Кантианская концепция причинности явилась философской основой теории адекватного причинения.

Согласно этике Канта, частью которой является его учение о праве, в человека изначально заложено нечто злое. Совершенные преступления есть проявление этого изначального зла во вне. Таким образом, причины преступного поведения, по Канту, содержатся не в объективной действительности, а лишь в состоянии человеческого сознания.

Представляет интерес решение Кантом уголовно-правовой проблемы крайней необходимости. Понимая под правом крайней необходимости правомерность причинения смерти виновному лицу ради спасения собственной жизни, Кант резко выступает против него, называет его мнимым правом. Действия лица, спасающего собственную жизнь ценой жизни другого человека, не применившего против этого лица никакого насилия, Кант считает неправомерным, однако полагает, что все они все же не должны быть наказуемыми.

Наиболее реакционной частью уголовно-правовых идей Канта являются его воззрения по вопросам уголовного наказания. Кант утверждал: «...наказание лишь потому должно налагаться на преступника, что он совершил преступление; ...он должен быть признан подлежащим наказанию до того, как возникнет мысль о том, что из этого наказания можно извлечь пользу для себя самого или для его сограждан». Наказание трактуется Кантом как возмездие, не преследующее никаких иных целей. Исходя из этого, Кант требует наказания равным злом за равное, по принципу талиона: «Лишь право возмездия (*instatio-nis*)... может точно определить качество и меру наказания; все прочие права неопределенны и не могут из-за вмешательства других соображений заключать в себе соответствие с приговором чистой и строгой справедливости»²⁹.

Кантианская концепция наказания соответствовала интересам феодальной аристократии. Ее классовая направленность ярко проявилась также в обосновании Кантом применения смертной казни за революционную деятельность, каторжных работ за кражу и т. п.

Отдавая должное величию Иммануила Канта, отмечая прогрессивные моменты в его учении, следует со всей принципиаль-

²⁹ Кант И. Соч., т. 4, ч. 2, с. 256, 257.

ностью подвергнуть критике его ошибочные и реакционные стороны.

Значительный интерес представляют выступления З. А. Каменского, доцентов А. З. Дмитровского (Калининград), В. И. Сиянтина (Ленинград), Л. В. Гнатюка (Ровно) о философии Канта в России.

Знакомство с философией Канта в России началось еще в конце XVII века и углублялось на всем протяжении первой четверти XIX века.

А. З. Дмитровский подчеркнул, что в России философией Канта увлекались Пушкин, Галич, Александр и Николай Тургеневы, Грановский, Станкевич, Полевой, Надеждин, Белинский, Герцен. При этом А. З. Дмитровский отмечает, что философия Канта воспринималась в России в условиях свободолобивых и оппозиционных настроений, которыми были охвачены передовые круги русского общества.

В начале XIX века знакомство русских людей с философией Канта осуществлялось через посредство зарубежных профессоров, работавших в русских университетах, а также через обучение русских людей в немецких университетах. Декабрист Николай Тургенев свидетельствует в своих воспоминаниях о той революционизирующей роли, которую играло изучение немецкой философии в Геттингском университете, бывшем тогда одним из центров кантианской философии.

О роли Канта в мировоззрении и нравственном мире русских людей, воспитывающихся в Германии, свидетельствуют также А. С. Пушкин в характеристике своего героя Владимира Ленского.

В эти годы философия Канта оказала существенное влияние на развитие русской философии и была подвергнута с ее стороны критике. С другой стороны, философия Канта получила критическую оценку в сфере развития русской философской мысли. Этому способствовали, с одной стороны, противоречивость философии Канта и, с другой — многообразие философских школ и направлений русской философии начала XIX века. И в конечном счете все это породило множественность интерпретаций и оценок философии Канта, оказавших влияние на развитие русской философии.

Философия Канта была использована в России как официальной идеологией, так и философией русского Просвещения. Официальная идеология пыталась опереться на философию Канта для критики материализма и религиозного вольнодумства; философия Просвещения стремилась использовать ее для своих построений в области теории нравственности, права и государства (Ф. Рейнгардт, И. Х. Финке, Л. Г. Якоб, А. П. Куницын, О. Срезневский), эстетики (П. Е. Георгиевский, Л. Якоб), гносеологии (М. И. Талызин, П. Любовский, В. Андросов), натурфилософии (И. Стойкович).

ЭТИЧЕСКИЕ И ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ И. КАНТА

Среди различных попыток вычленения сторон общественного и индивидуального сознания, предпринятых в домарксистской философии, одна из самых плодотворных принадлежит И. Канту. В его философии содержится гениальная догадка о трех обязательных сторонах общественного сознания — познавательной, практической и ценностной, каждая из которых обладает своими специфическими особенностями. Однако эта правильная мысль была погребена под характерными для кантианства субъективизмом и формализмом, которые привели к разрыву и противопоставлению друг другу указанных сторон, а также к отрыву их от своей реальной практической основы.

В. А. Блюмкин (Курский сельскохозяйственный институт) обстоятельно рассмотрел идеи Канта о структуре общественного сознания и показал их ценность для решения важных проблем исторического материализма.

Есть все основания в марксистском исследовании различать три стороны сознания и говорить о познавательном, ценностном и практическом сознании.

Выделив в структуре общественного сознания практическую сторону, Кант уделил большое внимание ее рассмотрению. В «Критике практического разума» он на основе изучения моральных факторов своего времени и имевшегося уже теоретического материала по-своему решил ряд важных проблем теории морали. В своей этике он отразил нравы и запросы слабой немецкой буржуазии, выступавшей, с одной стороны, против феодальной разобщенности, с другой — испугавшейся потенциальной силы подлинно революционного, нового класса — пролетариата. Кант излагал «немецкую теорию французской революции»¹, рассчитанную лишь на сферу духовной жизни общества.

В кантовской этике, как подчеркнул П. Я. Макутон (Кировский педагогический институт), отразились отнюдь не политические конфликты между антифеодальными силами и королевской властью, которые запечатлены в многочисленных политических теориях. В философии практического разума отразились нравственные межличностные связи и в некоторой степени лежащие в их основе экономические отношения. За антиномией свободы и необходимости, принципов долга и счастья кантовской этики скрыты объективные противоречия, которые проявились внутри антифеодального лагеря. Последовательность и завершенность французской буржуазной революции выявила эти противоречия достаточно четко. Революционность буржуазии оказалась ограниченной. Во имя собственных клас-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 88.

совых интересов она отказалась от защиты «всеобщих интересов» третьего сословия. Стало ясно, что с победой буржуазии «всеобщий интерес» превратился в иллюзию. Таким же иллюзорным оказалось и требование всеобщей и полной свободы, которое было недостижимым в узких рамках общества собственников (правда, в превратной и абстрактной форме), Кант зафиксировал и указал (вопреки своей воле) на их неразрешимость в условиях частнособственнических отношений. Этот важнейший позитивный момент его этики выявил в своем выступлении П. Я. Макутон. И именно это рациональное содержание оказало огромное влияние на дальнейшее развитие передовой философской мысли, и поэтому нельзя видеть в кантовской философии практического разума лишь бессилие морализирующего сознания, попытку подчинить разум вере.

Этическое учение Канта содержит и ряд других рациональных моментов, которые до сих пор еще не полностью изучены и не нашли своего отражения в этической литературе. На некоторых еще недостаточно исследованных сторонах этики Канта остановились в своих сообщениях Г. Н. Гумницкий (Ивановский госуниверситет), В. П. Яковлев (Ростовский госуниверситет), И. П. Кобзарь (Высшее политическое училище МВД СССР), Н. И. Шашков (Уральский госуниверситет) и др. В своих выступлениях, отмечая противоречивость кантовской этики, как и всей его дуалистической философии, они подчеркивали то ценное, что внес Кант в теорию морали и что имеет существенное значение как для выяснения идейно-теоретических истоков, так и для более основательной критики некоторых буржуазных и ревизионистских концепций.

Тесно взаимосвязаны в кантовской этике проблема долга и честности, где честность рассматривается как сложное моральное качество личности, проявляемое в формах правдивости, искренности, добросовестности, а в широком смысле — в верности долгу по отношению к другим людям и себе. Рассматривая проблему честности в этике Канта, Д. С. Шимановский (Ровенский пединститут) показывает значимость и противоречивость трактовки в ней многих вопросов природы и воспитания честности.

Немецкий мыслитель утверждал, что подлинная честность, как бескорыстное исполнение долга из уважения к моральному принципу, тождественна чистому практическому разуму и несовместима ни с циничной глупостью, ни с торгашеской расчетливостью. Напротив, обманщик глуп, ибо он в конечном счете унижает и уничтожает собственное достоинство, лишаясь доверия и уважения со стороны других. Хитрость, изворотливость и лукавство — признаки не столько ума, сколько ловкости и благоразумия, т. е. умения обмануть других, предусмотрев последствия. Умный купец торгует честно не из принципа, а из личной выгоды, его добродетельность — «разменная монета», которую

лишь ребенок примет за чистое золото, но это лучше, чем наглая бесчестность.

Честность перед собой (внутреннюю правдивость, совесть) Кант противопоставляет честности по отношению к другим. Различая ложь внешнюю и внутреннюю, он считает, что внешняя ложь нарушает чужие права, вызывая у других презрение к лжецу. Внутренняя ложь — лицемерие перед собой, когда человек не верит тому, что говорит, но притворяется убежденным. Стремясь раскрыть взаимосвязь между честным отношением к себе и другим, Кант правомерно подчеркивает важную роль внутренней правдивости в формировании подлинной честности.

В поисках специфики честности центр тяжести Кант переносит на моральную чистоту мотивов, противопоставляя «правую» честность как внешнее соответствие поступков букве закона честности «моральной» как внутреннему соответствию намерений духу закона, ставшего основанием совести. Нечестность же рассматривается как «отсутствие совестливости, т. е. ясности признания перед своим внутренним судьей»². Весьма ценно стремление Канта в противовес формальному подчинению поведения личности требованиям общества, государства, церкви выделить и подвергнуть анализу мотивационную сторону честности. Однако на почве априоризма и этического дуализма эта попытка не могла быть успешно реализована.

В Кантовой этике критерием честности является всеобщий по форме и абстрактный по содержанию моральный закон, ставший субъективной максимой поведения личности. Истинная честность бескорыстна и самоотверженна, свободна от любых личных мотивов, в том числе и от стремления к счастью, свободе, сохранению жизни. Непокколебимо честный поступок, совершенный «без всякого намерения извлечь какую-нибудь выгоду в этом мире или на том свете, несмотря на величайшие испытания и соблазны, ...далеко превосходит и затмевает всякий аналогичный ему поступок, на который, хотя бы лишь в малейшей степени, воздействовал посторонний мотив, поднимает дух и вызывает желание самому действовать так же»³.

В то же время этический субъективизм и формализм в определении критерия и меры честности неизбежно ведет Канта к моральному догматизму, отвергающему любой компромисс в каких бы то ни было условиях. Эта максималистская позиция, выраженная во взглядах Декарта, Спинозы, Юма, Руссо, в этике Канта получила логическое завершение. Исходя из формулы категорического императива, он утверждает: никогда нельзя лгать, даже если ложь — единственный выход из затруднительного положения, ибо никто не может желать, чтобы все другие

² Кант И. Соч., т. 4, ч. 2, с. 368.

³ Там же, ч. 1, с. 248.

точно так же его обманывали и не доверяли ему. В конечном счете ложь всегда вредна, если не отдельному лицу, то человечеству вообще. Поэтому в любом случае ее следует изображать как «нечто непосредственное отвратительное, т. е. такой, какова она на самом деле, не подчиняя ее никакому другому правилу морали, например, долгу по отношению к другим»⁴. Итак, правомерно протестуя против аморализма и бесчестности, Кант возводит принцип честности в некую догму, в формальный долг абстрактной личности перед собой, независимо от конкретных обстоятельств, субъективных целей, объективных последствий и социального значения поступков.

Обнаружив реальные противоречия между сущим и должным в нравственной жизни общества, Кант абсолютизировал их, противопоставив зло человеческой природы моральному порядку в «умопостигаемом» мире. Нечестность выводится им из естественного предрасположения к притворству, усугубляемого влиянием среды. Отдельные проявления честности или нечестности он биологизирует, пытаясь связать их с тем или иным темпераментом⁵. Происхождение обмана Кант объясняет их врожденной моральной неустойчивостью человека. Но не всякий обман выступает как следствие нравственной слабости: «Каждый трус — лжец, но не наоборот. То, что делает слабым, порождает ложь». Поэтому так трудно предохранить от лжи детей, которые слишком слабы, чтобы противостоять внутренним влечениям и внешним обстоятельствам⁶.

Представляет интерес взгляд Канта на теорию воспитания. Отвергая теорию свободного воспитания Ж-Ж. Руссо, Кант в то же время считает, что правдивость развивается не утрашением, а внушением отвращения ко всякой лжи на основе безусловного уважения к принципу честности и упражнения в честных поступках. Чрезмерно балуя ребенка либо круто ломая его волю, воспитатель лишь разовьет в нем нечестность. Неумеренные ласки порождают фальшивые чувства, а унижительные наказания — озлобление и замкнутость, притворство и живость. Откровенность, не переходящую в наглость, следует, по Канту, поощрять, предоставляя детям определенную свободу. Но постоянная откровенность невозможна: например, приличие требует скрывать некоторые свои недостатки. Поэтому «скрытность не есть непременно притворство и может быть позволительна», хотя «очень близко граничит с печестностью». Подлинная честность основана на принципах школы, а затем — человечества. Но в школах «почти никогда нет того, что в высшей степени могло бы способствовать развитию в детях понятия честности, именно нет катехизиса права»⁷.

⁴ Кант И. Соч., т. 2, с. 195.

⁵ Там же, с. 144—147.

⁶ См. там же, с. 194—195.

⁷ Кант И. О педагогике. М., 1896, с. 71, 75.

Как мы видим, этическая глубина, психологический реализм и педагогический такт в трактовке проблемы честности вступают у Канта в противоречие с догматизмом и формализмом его «метафизики нравов», но вместе с тем ряд положений сохраняет и сегодня важное теоретическое и практическое значение.

Постановка Кантом вопроса о смысле жизни вытекает из всего построения его философской системы. И это убедительно показал И. П. Кобзарь. Решение вопросов, что я могу знать («Критика чистого разума»), что я должен делать («Критика практического разума»), на что я могу надеяться («Религия в пределах только разума»), приводит Канта к выяснению сущности личности и смысла ее существования. По Канту, жизнь человека в мире явлений лишена смысла, ибо они дают лишь частное решение вопроса, а чувственность уводит человека от основной его цели и отрицает разум.

Разум, будучи включен в мир явлений, не может выйти за его пределы. Он также не способен решить вопрос о смысле жизни.

Если смысл жизни не может быть найден ни в деятельности разума, ни в чувственности, то он заключен, по Канту, в самой личности. Нравственный закон определяет всю жизнь личности, выступая в форме определяющего основания свободной и автономной воли, способной действовать согласно его велению. Однако действие закона не затрагивает объекта воли. Исполнение нравственного закона не составляет последнюю цель и не дает полного морального удовлетворения личности.

Жизнь наполняется смыслом лишь при достижении конечной цели — высшего блага. Долг каждой личности — стремиться к высшему благу. «Осуществление высшего блага в мире есть необходимый объект воли, определяемый моральным законом. А в этой воле полное соответствие убеждений с моральным законом есть первое условие высшего блага»⁸. Исполнение нравственного закона должно сопровождаться уважением к нему, или добродетелью. Лишь при этом условии возможно полное блаженство.

Отмечалось, что вторым условием высшего блага, согласно Канту, является счастье. Счастье возможно только в чувственности. Достичь слияния моральной свободы с природой — значит достичь такого состояния, которое, по определению Канта, не дается ни одному разумному существу этого мира. Только бог может соединить независимый ни от чего моральный закон с чувственностью. Человек этим свойством не обладает, поэтому его недостатки могут быть дополнены божественной волей. Положение личности таково, что без веры в бога, как пытается показать Кант, теряется смысл жизни.

---

⁸ Кант И. Соч., т. 4, ч. 1, с. 454.

В. И. Ленин указывал, что «субъективная форма составляет сущность кантовской философии»⁹. Как убедительно показала марксистская философия, смысл жизни человека нельзя найти вне общественных отношений. Деятельность индивида носит личный характер, однако удовлетворение ею зависит от тех социальных условий, в которых она осуществляется. Поэтому кантовская трактовка смысла жизни представляет собой парафраз христианского учения о спасении, игнорирует реальные земные отношения.

Неудовлетворенность действительностью вызывает потребность преодолеть ее несовершенство. Это преодоление, сознательная преобразующая прогрессивная деятельность — вот в чем смысл жизни людей. Кантовское же понимание смысла жизни направлено лишь на исполнение некоего абстрактного нравственного долга и потому неисторично. Так, по Канту, когда человек приближается к исполнению долга, тогда для него встает вопрос о счастье, а оно оказывается пустой формой. При достижении высшего блага, согласно Канту, прекращается дальнейшее нравственное совершенствование личности, смысл жизни оказывается вне человека, определяется богом. Отмечалось, что современные буржуазные философы трансформируют и используют трансцендентное понимание смысла жизни Канта с целью отвлечь общественное сознание от актуальных проблем действительности, примирить людей с капиталистическими отношениями.

Гуманизм Канта — сложная и многогранная тема, которую раскрыл в своем выступлении В. П. Яковлев. Гуманистический пафос кантовской философии своеобразно и ярко выражен в этике немецкого мыслителя, в утверждении им человека как высшей ценности мира, в центральном пункте всей его системы — в идее о примате практического, т. е. нравственного, сознания над сознанием абстрактно-теоретическим.

Эта мысль Канта глубока и значительна. Но она также противоречива, как противоречива вся его дуалистическая философия. Сам автор «Критики чистого разума» не скрывал, что своим положением о главенстве практического разума над теоретическим стремился подчинить знание вере, науку — религии. Но объективно, вопреки фидеизму буржуазного идеолога, кантовское положение означало открытие определяющей роли практики по отношению к теории.

Постулаты практического разума имеют, по Канту, регулятивное, направляющее значение для всей сферы теоретического познания. Это значит, что мыслящий человек живет не в безвоздушном пространстве, что он не робот и не ЭВМ. Для него, если не со стороны содержания, то с точки зрения конечной перспективы и цели познавательного процесса, с точки зрения значимо-

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 29, с. 258.

сти последнего для самого субъекта познания и человечества в целом, очень важно, чем руководствоваться в своей деятельности, каким классовым, политическим, идеологическим и моральным устоям быть верным.

Подчеркивалось, что положение о примате практического разума означает решительный шаг вперед Канта по отношению как к картезианскому и лейбницеанскому рационализму, так и к созерцательному, метафизическому материализму XVII—XVIII веков. Воспитанный на традициях Просвещения, Кант в этом пункте своей философии преодолевает узкопросветительский горизонт раннебуржуазного сознания, хотя делает это в мистифицированной, проникнутой духом агностицизма форме.

Будучи освобожденным от этой исторически ограниченной и преходящей формы, открытие Канта в его рациональном виде имеет не только антипросветительский, но и (применительно к сегодняшнему дню) антипозитивистский, антисциентистский характер. Кант был первым из мыслителей нового времени, кто выдвинул серьезные философские аргументы против антигуманистической фетишизации науки.

Актуальными становятся известные идеи Канта; его попытки «обуздать» сверхоптимизм и пансциентизм (типа лапласовского «универсального разума», например) в традициях и основаниях современной ему философии и самой картезианской науки. Кантовские идеи, как отметил в своем выступлении С. А. Рудзевичус (Вильнюсский пединститут), частично способствуют решению сложных социально-этических и гуманистических проблем современной научно-технической революции. Категорический императив Канта имел целью и ограничение теоретического разума посредством дополнения его ценностным, этическим подходом, моральным принципом, критерий которого — польза человечества. Однако в условиях тогдашней научно-технической ситуации, существенной отдаленности научно-технического прогресса от этико-гуманистической проблематики человеческого бытия и социальной магистрали прогресса, эти идеи Канта не нашли поддержки в систематизированном виде и на основе философского материализма. Потребовалось довольно долгое время, когда атомные «грибы» над Хиросимой и Нагасаки (этот трагический парадокс «века физики») со всей остротой и социальным трагизмом вернули буржуазную философию к обращению к этико-гуманистической проблематике науки как социального института «свободного общества», актуализировав тем самым и кантовский анализ в данной области.

Философия Канта занимает определенное место и относительно возникновения и развития своеобразного дуализма методов, подходов к познанию человека в качестве объекта познания, в решении проблемы субъективно-объективных связей в научном познании. Это особенно актуально сегодня в том смысле, что проблема комплексного познания человека становится

не только доминирующим эпицентром современной НТР, но и, главное, исходным рубежом ее исторической перспективы — в качестве единой науки о человеке и ради него, — гениально предвиденной марксизмом. Псевдодилемма «сциентизм — антропологизм» в познании феномена человека (и общества), атрибутивная самой картезианской модели науки, в качестве гносеологических корней и методологического обоснования всей домарксовской философии человека (и истории), — *cogito* Р. Декарта, «панлогизм» Гегеля и т. д. В этом плане именно Канту принадлежит, правда, неудавшаяся, попытка снять эту мнимую альтернативу в философском осмыслении феномена человека, его бытия, а также субъективно-объективных отношений в научном познании.

Общеизвестна связь между этическим учением Канта и его теорией познания. В. Н. Костюк (Одесский госуниверситет) рассмотрел менее изученную, но важную связь между этикой Канта и некоторыми логическими идеями¹⁰.

В глубоком созвучии с этическим находится эстетическое учение Канта. Известно, что Кант поставил этические проблемы, отталкиваясь не от искусства и даже не от интересов эстетики, а от стремления довести до логического конца свою философскую систему, перекинуть «мост» между рассудком и разумом, наукой и нравственностью.

Неопределенность во взглядах Канта на эстетическое сказалась на взглядах советских исследователей, выступивших по этой проблеме. Так, А. В. Гулыга считает, что в «Критике способности суждения» доказывается специфичность эстетического, его несводимость ни к знанию, ни к морали. Но наряду с этим Кант выдвигает своеобразный «антитезис»: эстетическое представляет собой средний член между добром и истиной, именно здесь встречаются истина с добром, теория с практикой. Рассматривая эстетическое в трактовке Канта, А. В. Гулыга подчеркивает, что оно не монолит, у него две ипостаси, два лица. Одно обращено преимущественно к знанию — прекрасное, другое — преимущественно к морали — возвышенное.

А. Т. Бочоришвили (АН ГССР) же утверждает, что определение эстетического совпадает у Канта с определением прекрасного. Возвышенное же и по происхождению, и по природе резко отличается от прекрасного, оно скорее относится к аксиологии в целом, чем к эстетике. Эстетика, подобно гносеологии и этике, заключает в себе лишь одну двухполюсную категорию — красоту с ее противоположностью.

В выступлениях, посвященных эстетике Канта, были рассмотрены и другие важные вопросы. А. В. Гулыга заметил, что кантовский анализ эстетических категорий ограничивается рас-

¹⁰ Костюк В. Н. Этика Канта и современная логика. — В кн.: Вопросы теоретического наследия Иммануила Канта. Калининград, Ки. изд-во, 1975, с. 139—144.

смотрением прекрасного и возвышенного; о комическом немецкий мыслитель рассуждает вскользь, трагического вообще не касается. И это тоже показательно: его интересует не эстетика как таковая, а лишь ее опосредующая роль, прекрасного и возвышенного ему вполне достаточно для решения задачи, вставшей перед ним.

Изучение кантовской аналитики прекрасного позволяет сделать вывод, что она строится в соответствии с классификацией суждений по четырем признакам — количеству, качеству, отношению и модальности. Первая дефиниция звучит односторонне: прекрасно то, что нравится, не вызывая интереса. Канту надо развеять рационалистические и утилитаристские построения своих предшественников, поэтому он столь категоричен. Взятая в своей односторонности, эта формулировка лежит в основе формалистических теорий искусства, на нее преимущественно обращают внимание и критики Канта.

Но уже вторая дефиниция прекрасного намечает более широкий подход к проблеме. Здесь выдвигается требование всеобщности суждений вкуса. Удовольствие от прекрасного не самодовлеюще, оно производно от «свободной игры» познавательных способностей, возникающей помимо конкретного акта познания, но все же связано с познанием в целом. Третья и четвертая дефиниции прекрасного еще ближе придвигают эстетическое к познанию.

Отмечалось также, что более отчетливо, чем в аналитике прекрасного, опосредующая роль эстетики видна в аналитике возвышенного. По Канту, удовольствие от возвышенного невозможно без «умствования», оно определяется не чувственностью, а разумом. Возвышенное — это возвышающее, бесстрашное отношение к страшному, преодоление страха и моральное удовлетворение по этому поводу.

А. Т. Бочоришвили, изучавший эстетику Канта в развитии, пришел к выводу, что суждение вкуса, по Канту, выражает не содержание объекта, а внутреннее состояние трансцендентального субъекта, которое возникает при игровой взаимосвязи воображения и рассудка, завершающегося эстетическим чувством. Условием эстетического чувства является специальная установка субъекта, выключающая возможность «физической» и моральной аффектации человека, причем результат эстетической оценки переносится от субъекта на объект, и рефлексивное суждение принимает форму логического акта: прекрасным именуется не состояние субъекта, а чувственно-данный предмет.

Эстетика как особая философская дисциплина должна основываться не на познавательных способностях, а исключительно на трансцендентальном чувстве. Факт наличия гностической функции в составе чувственного акта обеспечивает сообщаемость и общезначимость эстетического переживания. Автономия суждения вкуса указывает на то, что в эстетических суждениях

все средства их оправдания имеются в субъективной сфере. «Эстетическая дедукция» Канта нынче выглядит как абсолютная субъективность в смысле трансцендентально-феноменологической редукции Гуссерля.

Подчеркивалось в этой связи, что «диалектика эстетического суждения» не оправдывает замысел Канта. «Необходимое противоречие» возникает в связи с вопросом об участии понятия в суждении вкуса: при положительном решении вопроса эстетическое суждение перестает быть эстетическим, а при отрицательном — оно лишается сообщаемости. «Неопределенное понятие», по существу, является «темным познанием» рационалистов и толкает к гносеологизму в эстетике.

Искусственность эстетической диалектики отрицательно называется и в том, что обоснование эстетического суждения перемещается на интеллигибельный уровень. Тезис Канта о том, что конечный пункт априорных способностей можно найти лишь в сфере сверхчувственного, имеет силу и для суждения вкуса. Эстетика Канта прокладывает путь к метафизике, намечая «метафизику прекрасного» — аналог «метафизики природы» и «метафизики нравов». Недостаточность основания для возможности и оправдания высшей субъективности толкает Канта к интеллигибельному субстрату эстетического. Такой раскованный шаг, видимо, не соответствовал критицизму Канта.

Отмечалось, что сообщаемость эстетического переживания, по Канту, всегда основывается лишь на познавательных способностях субъекта. Суждение «роза прекрасна» говорит не о собственных качествах розы и не о чувстве нашего удовольствия, а о том, что под воздействием розы — предмета пришли в гармоническое взаимодействие воображение и рассудок. Эстетическое чувство лишается своей самостоятельности. Это обстоятельство ставит под сомнение эстетику, как автономную философскую дисциплину.

Анализируя проблему эстетического в философии Канта, В. С. Манешин (Харьковский институт искусств) особое внимание уделил кантовскому определению эстетического суждения в его общем виде. «Эстетическим будет такое суждение, определяющее основание которого заключается в ощущении, непосредственно связанном с чувством удовольствия и неудовольствия»¹¹. Называя затем эстетическое суждение высшей познавательной способностью, Кант справедливо подчеркивает, что эстетическое суждение не есть по своему содержанию суждение познавательное.

Но одновременно с этим Кант упрощенно представляет чувство удовольствия свободным от всякого интереса к предмету и самому процессу познания. Непоследовательность Канта сказывается и при обсуждении вопроса о диалектике объективного и

¹¹ Кант И. Соч., т. 5, с. 128.

субъективного в эстетических суждениях. Кант не отрывал эстетическое наслаждение от объекта и правильно указывал на его зависимость от познающего субъекта: «Чтобы определить, прекрасно ли нечто или нет, мы соотносим представление не с объектом посредством рассудка ради познания, а с субъектом и его чувством удовольствия или неудовольствия посредством воображения»¹². Такая точка зрения исключала возможность признания сугубо объективного существования прекрасного, в принципе верно указывала на специфику эстетического. Однако в ходе дальнейших рассуждений Кант отошел от этого взгляда и обратился к поискам красоты «вне нас»¹³. Отсюда и проистекает преимущественное внимание философа к форме, признание ее единственной причиной удовольствия и исключительным объектом эстетического суждения, стремление ограничить эстетическое суждение данными лишь эмпирического созерцания и совершенно изолировать от понятий об объектах.

Был проанализирован вывод Канта о бескорыстности эстетического суждения. Немецкий мыслитель сам отчасти сознавал ограниченность подобного взгляда и потому добавлял: из определения эстетического суждения как бескорыстного еще не следует, что раз оно дано как чистое эстетическое суждение, с ним нельзя связывать какой-либо интерес; он возникает, по его мнению, опосредованно, через наслаждение приятным и добрым и только в обществе. В такой оговорке содержится рациональный момент, в известной мере исправляющий ошибку, но не получивший должного развития и необходимого обоснования. Этим не замедлили воспользоваться неокантианцы, преднамеренно абсолютизирующие тезис о бескорыстности эстетического суждения и игнорировавшие рациональные выводы Канта.

Важнейший вклад внес Кант в разработку вопросов об оценочном характере эстетического суждения и о месте оценки в совокупности явлений, предворяющих эстетическое наслаждение. «Эта чисто субъективная (эстетическая) оценка предмета или представления, посредством которого предмет дается, предшествует (чувству) удовольствия от этого предмета и служит основанием этого удовольствия от гармонии познавательных способностей; но единственно на этой всеобщности субъективных условий оценки предметов основывается всеобщая субъективная значимость удовольствия, которое мы связываем с представлением о предмете, когда мы называем его прекрасным»¹⁴. Вывод таков: субъективная всеобщность опиралась на прочное основание — оценочную деятельность субъекта. Стремлением проникнуть в сущность эстетических отношений на аксиологическом уровне Кант во многом предвосхитил выводы, к которым приходит современная эстетика.

¹² Кант И. Соч., т. 5, с. 203.

¹³ Там же, с. 252.

¹⁴ Там же, с. 220

Методологические проблемы эстетики Канта поднял в своем выступлении М. К. Рыбалкин (Калининградский технический институт рыбной промышленности и хозяйства). Философские методы Канта и Гегеля при явном различии, взятые в целом и целом, обнаруживают момент поразительного сходства, которое обусловлено исходными установками на построение исчерпывающей и завершенной системы знания, охватывающей все сферы исследуемого бытия. Оба великих философа стремились установить всеобщее системное единство этих сфер, которые своими специфическими качествами полагают, дополняют, достраивают друг друга и столь же взаимно друг друга отрицают, исключают, отталкивают. И если философская система Гегеля развернута во времени, как процесс становления абсолютной идеи, проходящей через сменяющиеся этапы или стадии, то система Канта скорее пространственна: она дает одновременный срез равнозначно сосуществующих видов духовной деятельности человека¹⁵, «с точки зрения их систематического единства»¹⁶. Первую систему, основанную на априорном постулировании «чистого бытия», можно представить как триадическую иерархию уровней развития абсолютной идеи; вторую, покоящуюся на допущении априорных принципов человеческих способностей, сам ее создатель выразил в трехчленной таблице¹⁷. Уже потому вряд ли правы те исследователи, которые настаивают на превосходстве в философии Канта какой-либо одной «Критики», утверждая, будто вся его система сводится к обоснованию теории познания, этики либо эстетики. Сам Кант, рассматривая систему «высших познавательных способностей, которая лежит в основе философии», подчеркивал, что «систематическое изложение способности мышления делится на три части, а именно: во-первых, способность познания *общего* (правил) — рассудок, во-вторых, способность *подведения особенного* под общее — способность *суждения* и, в-третьих, способность *определения* особенного через общее (способность выведения принципов), т. е. *разум*»¹⁸.

Это позволило показать, почему Кант должен был от априорных принципов рассудка и разума, уже установленных в двух

¹⁵ Суждение К. Маркса о том, что Гегель «знает и признает только один вид труда, именно абстрактно-духовный труд» (Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., Госполитиздат, 1956, с. 627), характеризует не-мещку классическую философию в целом.

¹⁶ Кант И. Соч., т. 5, с. 198.

¹⁷ См.: Кант И. Соч., т. 5, с. 199. Одностороннее внимание Канта к существованию, а Гегеля — к истории развития и смены видов духовной деятельности делает каждую из двух систем уязвимой именно в тех пунктах, в которых сильна другая система. Канту не удалось показать историю качественных изменений форм духовной жизни, а Гегель не сумел выявить их существование, и потому провозглашаемая им как историческая закономерность смена искусства религией и замена религии философией адекватно познающей абсолютную идею, есть мнимая, фиктивная, иллюзорная история.

¹⁸ Кант И. Соч., т. 5, с. 107.

первых «Критиках», с необходимостью перейти к особой и последней части своей философии, посвященной способности эстетического суждения вкуса. Он логично постулирует необходимость допустить¹⁹ существование недостающего, срединного, примиряющего, опосредствующего звена, соединяющего разъятые до сих пор мир природы (законы которого предписывает ей познающий теоретический разум) и мир свободы (который сам предписывает нравственные законы практическому разуму).

Был сделан вывод, что метод исследования эстетической способности суждения для Канта, прочно стоящего на позициях априоризма, не может не быть дедуктивным. Дедукция, как подтверждение правомерности суждений вкуса, доказывает их притязание на необходимость, субъективную всеобщность и целесообразность, «по аналогии» с всеобщими правилами рассудка и разума»²⁰. «Только объяснение этих логических особенностей, которыми суждение вкуса отличается от всех познавательных суждений, ...будет достаточным для этой странной способности»²¹.

С другой стороны, поскольку задачей критической философии является установление строгих границ, специфических прерогатив и уникальных возможностей каждой из трех человеческих способностей в соответствии с их априорными принципами, Кант в своей завершающей «Критике» осуществляет сравнительно-сопоставительный метод. Как видно, предмет своей специфики с помощью данного метода Кант избирает прекрасное как высшее проявление эстетической способности и приходит к выводу, что прекрасное стало противоположно-тождественно по отношению к познанию и морали, родственно им и к ним не сводимо. И именно в утверждении этого двуединого принципа связи эстетического с внеэстетическими видами человеческой деятельности метод Канта, предопределенный системой его трехчленной критической философии, дает себя знать как диалектико-логический аналог реальной действительности, как прообраз и первоисточник современного метода системного, сравнительно-специфирующего метода исследования эстетической и художественной деятельности (как относительно самостоятельных подсистем) в ряду основных областей общественной жизни²².

---

¹⁹ См.: Кант И. Соч., т. 5, с. 109.

²⁰ Там же, с. 107, 292.

²¹ Там же, с. 293.

²² Заметим, что пока в нашей эстетике превалируют дихотомические исследования типа «Искусство и труд», «Искусство и идеология», «Искусство и наука» и т. п. Как отмечал М. Ф. Овсянников, «настало время для специальных монографий по проблеме «Искусство и общество» (Овсянников М. Ф. Актуальные направления и методологические основы исследований в области эстетики.— «Философские науки», 1973, № 5, с. 16).

Метод построения «доктринальной» системы критической философии привел Канта к метаэстетическому постулированию и обоснованию эстетического как необходимого средостения между познанием и моралью, природой и свободой. Но эстетическое (духовно-практическое) освоение мира действительно связует эти области, принимая их особенности в свои пределы как обязательные компоненты и само включаясь в них в качестве момента, универсально-сопутствующего любой человеческой деятельности. Поэтому Кант-методолог невольно и неизбежно становится эстетиком, когда, исследуя узловую линию меры, пограничные пункты прекрасного тем самым высказывает прозорливые идеи содержательного порядка, которые вносят огромный вклад в разработку центральной проблемы всей мировой и современной эстетики — проблемы специфической природы эстетического.

Кант не только поставил вопрос о природе эстетического, но и, как верно отметила В. И. Устиненко (Севастопольский приборостроительный институт), дал трактовку общих основ искусства и игры, оказавшую большое влияние на последующие теории происхождения культуры и искусства. Он в «Критике способности суждения» определяет специфику искусства, сближая его с игрой. Искусство свободно и непринужденно, подобно игре, искусство, как и игра, в отличие от ремесла, не преследует никакой цели вне себя²³.

В основе эстетического удовольствия лежит, согласно Канту, игра воображения и рассудка. Игру он определяет как незаинтересованную деятельность, совершаемую не ради результата, а приятную саму по себе, саму в себе находящую цель и средства. Игра шире, чем сфера искусства, она — некая духовность, достигающая максимальной реализации своих возможностей в искусстве и исчезающая, как только посягают на ее свободу, при этом переходя, очевидно, в утилитарно-практическую деятельность. Однако игра — духовность весомая, реальная. Искусство не может стать «простой игрой», избавиться совершенно от целесообразности, иначе оно «лишится тела и улечитися»²⁴. Игра материализуется в искусстве, переходя в произведение искусства, но она может иметь преходящий нефиксированный характер, то есть проявляться как игра-развлечение, игра-отдых²⁵. Понятие «игра» в кантовской эстетике выполняет служебный характер, но прослеживается всегда именно там, где речь идет о свободной духовной активности.

Кант не только сближает понятие игры и искусства, но и пытается дать классификацию искусства, исходя из понятия игры. Так, в разделе «Аналитика эстетической способности суждения» он пишет: «Любая форма предметов чувств (внешних

²³ См.: Кант И. Соч., т. 5, с. 319.

²⁴ Там же.

²⁵ См. там же, с. 350.

чувств и опосредованно также внутреннего чувства) есть игра или фигура (*Gestalt* или игра): в последнем случае или игра фигур (в пространстве — мимика и танец), или только игра ощущений (во времени)²⁶. В свою очередь «искусство изящной игры ощущений» делится им на игру ощущений слуха и ощущений зрения — на музыку и искусство красок²⁷.

Следуя формально признаку, взятому за основу, И. Кант с идеалистических позиций в абстрактно-теоретическом плане анализирует эстетическое. Однако аналогия с игрой позволила ему обосновать независимость, свободу художественного творчества, подчеркнуть его движущие побудительные мотивы.

Эстетика Канта, завершающая его философскую систему, оказала большое влияние на дальнейшее развитие эстетической мысли Запада и России в начале XIX века, особенно в связи с развитием романтической теории искусства. Этот еще недостаточно разработанный в советской науке вопрос стал предметом исследования Л. Н. Дарьяловой (Калининградский госуниверситет).

Эстетика Канта разрабатывалась и получила популярность в те годы, когда активно развивалось художественное романтическое мышление как в самой Германии (штюрмерская литература, Шиллер, Гёте и т. д.), так и в других странах. Романтическое искусство в своих различных национальных и индивидуальных проявлениях имело определенные типологические черты, которые улавливались эстетической мыслью того времени. Возникнув в условиях кризиса феодальной системы, романтическое мышление отличалось ощущением неустойчивости и противоречивости мира, чреватого социальными катаклизмами. Острое чувство неудовлетворенности жизнью, разочарование в возможностях разума сочеталось со стремлением уловить всеобщую связь явлений, найти единство идеального и реального, природного и социального, свободы и необходимости, разумного и чувственного. Провозгласив абсолютно свободную человеческую личность в качестве искомого идеала, романтики должны были постоянно разрешать противоречия своих субъективных устремлений и объективной действительности, что также отражалось в эстетической мысли эпохи.

Некоторые существенные стороны романтической концепции мира и человека были уже намечены в эстетике Канта и затем в трудах Фихте, Шеллинга, Гегеля, а в России — Надеждина, Станкевича, Белинского. Так, Станкевич писал, что сочинения Канта «послужили основанием системе Шеллинга».

Отмечалось четыре момента взаимосвязи эстетики Канта с романтической концепцией искусства. Кант, во-первых, определяет идеал прекрасного в самом человеке, человек имеет цели

²⁶ Там же, с. 228.

²⁷ См. там же, с. 342—343.

своего существования в самом себе. Через посредство искусства Кант стремился преодолеть противоречие природного и социального, необходимости и свободы и заявить о гармонии рассудка и воображения. Его идея «незаинтересованности» в искусстве может рассматриваться и как реакция Канта на меркантилизм и расчет наступающего капиталистического века, что также соответствует романтическому отношению к действительности.

Во-вторых, романтическая эстетика XIX века усвоила и развила представления Канта о свободе гения, о роли гениальной личности в искусстве.

В-третьих, учение Канта о целесообразности предваряет романтические представления о красоте форм, о стремлении преобразовать мир посредством художественного творчества.

Наконец, Кант подчеркивает необходимость сближения эстетического и этического, хотя и говорит о «незаинтересованности» искусства. Романтизм, особенно прогрессивный, также стремился выделить возвышенный характер идеала и искусства.

Субъективизм учения Канта является примечательной чертой и художественного мышления эпохи, сосредоточившегося на человеческой личности и ее возможностях. По мнению Тургенева, «последним словом всего земного для Гёте (так же, как и для Канта и Фихте) было человеческое Я...» Противоречия эстетики Канта, обусловленные в конечном счете историческими и гносеологическими причинами, предваряют и противоречия нового этапа художественного развития — романтизма, который, утвердив самоценности личности, не поднялся со осознания ее конкретно-исторических общественных связей.

Учение Канта восприняли и развили многие мыслители и художники. И если «создатель учения избегает крайностей», то «ученики не скупаются на них»²⁸. В сообщении, сделанном на конференции Е. И. Ильютенко (Новозыбковский педагогический институт) и М. К. Рыбалкиным, отмечалось, что взгляды Шиллера, ближайшего последователя Канта, ярко свидетельствуют о диалектическом движении историко-философской традиции, этапы которой содержат единство преемственности и отрицания. Поэт и эстетик по преимуществу, Шиллер отыскал в целом в уравновешенном учении Канта «нечто избирательное» для себя — «опору для мыслей», которые стали «в дальнейшем *его собственными* и неповторимыми мыслями»²⁹.

Идейная концепция Шиллера, сконцентрированная в «Письмах об эстетическом воспитании», исполнена пафоса панэстетизма. «Красота — «образ свободы» — такова идущая от Канта предпосылка философско-эстетического учения Шиллера

²⁸ Философия Канта и современность. М., 1974, с. 268.

²⁹ Асмус В. Ф. Шиллер как философ и эстетик. — В кн.: Шиллер Ф. Собр. соч. в 6-ти т., т. 6. М., ГИХЛ, 1957, с. 696.

об условиях и путях формирования свободного и гармонического человека.

Шиллер тонко подметил одно примечательное противоречие между «Критикой практического разума» и «Критикой способности суждения». В первой Кант заключает свободу в сверхчувственный, трансцендентальный мир вещей в себе, как недостижимый и непознаваемый источник и субстрат нравственных законов³⁰; во второй он превращает свободу в специфическое содержание эстетического предмета (моральный идеал искусства) и эстетической способности суждения³¹ и — более того — рассматривает свободу как критерий эстетической ценности художественного творчества³². Именно поэтому Шиллер, полагавший под влиянием кантовской эстетики, что достижение свободы вполне осуществимо всеми в эстетической «игре», одним из первых подверг сокрушительной критике этический ригоризм и скептицизм Канта.

Концепция эстетической «игры», развитая Шиллером из гениальной догадки Канта об эстетической свободе, лежащей в основе игры познавательных способностей человека³³, сильна именно теми сторонами, которые так или иначе воспроизводят ход мыслей и смысл рассуждений самого Канта. К этим сторонам относятся, во-первых, определение эстетической деятельности, как свободной от моральной дидактики, голого утилитаризма, односторонней рассудочности, давления реакционных политических режимов; во-вторых, признание диалектической связи чувственности и рассудка, интеллекта и воображения в эстетическом творчестве гармонического человека; в-третьих, утверждение субъект-объектной природы эстетического отношения, в котором красота выступает в качестве гармонического единства предмета для человека и состояния субъекта³⁴.

Напротив, отходя от Канта, Шиллер впадает в крайность абсолютизации художественно-эстетического творчества, выдвигая как программный утопический принцип эстетического освобождения «играющего» человека от социальных антагонизмов общества и дисгармонии личности.

В робких попытках наметить, правда, еще в сугубо теоретической и притом спекулятивной форме, условия совершенствования общества и личности Кант был неизмеримо радикальнее своего последователя Шиллера. Утвердив превосходство соци-

³⁰ См.: Кант И. Соч., т. 5, с. 514.

³¹ См. там же, с. 280.

³² См. там же, с. 345.

³³ Открытая Кантом антиномия голой пользы и свободного эстетического чувства была развита К. Марксом как диалектическая противоположность на основе материалистического понимания истории (См.: Маркс К., Энгельс Ф. Об искусстве. Т. 1, М., «Искусство», 1957, с. 140, 216).

³⁴ Известно, что К. Маркс, конспектируя «Эстетику» Ф. Фишера, сочувственно процитировал суждение Шиллера: «Красота есть одновременно предмет для нас и состояние нашего субъекта.»

ального значения нравственного прогресса над развитием эстетической культуры и научного познания, Кант в неявном виде признал ведущую роль практических действий, преобладающих над теоретическим и эстетическим освоением действительности.

Учение основоположника немецкой классической философии И. Канта оказало большое влияние не только на западно-европейскую, но и на русскую философию и литературу. А. С. Платавцев (Харьковский художественно-промышленный институт) рассматривает отношение великого русского писателя Л. Н. Толстого к этическому учению Канта. Такой аспект исследования определяется тем, что Л. Н. Толстой любую философскую систему рассматривал, главным образом, с точки зрения проблемы смысла жизни, морали, отношения к религии. Эта общая для толстовской философии тенденция проявилась и в отношении к учению Канта, «Этика» которого оказала значительное влияние на философские искания писателя.

Этот интерес к кантианству сохранился у Толстого до конца его жизни. В последней своей большой работе «Путь к жизни» он приводит целый ряд высказываний Канта наряду с другими философскими положениями, которые были ему наиболее дороги и какие он как бы завещал людям для того, чтобы при их помощи они нашли пути к счастливой жизни.

Обращаясь к «Этике» Канта, мы легко находим в ней то, что импонировало Толстому, и возможно повлияло на его этические взгляды. Так, определяя этическую сущность человека и причины нравственного зла, Кант пишет: «Первое начало всего злого вообще представлено как непостижимое для нас (ибо откуда у этого духа зло?), человек же впадает в злое только через искушение, стало быть, он испорчен не в основании (даже по первым задаткам доброго), а как способный еще к совершенствованию в противоположность совращающему духу»³⁵. Естественно, что такие суждения не могли не привлекать Толстого, поскольку они были созвучны с его религиозным учением о равенстве всех людей перед богом, о сложном процессе борьбы между добром и злом в каждой отдельной личности, о возможности всего человечества счастливо жить, исполняя евангелические заповеди и подавляя в себе греховные соблазны. Полностью принимал великий писатель и такие утверждения Канта, как то, что источником всего злого является себялюбие, высокомерие, попытки соблазнять другого человека на поступки, какие вызывают у него угрызения совести, позорят его. К таким же недостойным человека поступкам относятся зависть, злорадство, издевательство и др.

Близки взгляды Канта и Толстого и на проблему нравственного совершенствования личности. В этом смысле характерно такое высказывание Канта: «Величайшее моральное совер-

---

³⁵ Кант И. Соч., т. 4, с. 47.

шенство человека следующее: исполнять свой долг и притом из чувства долга (чтобы закон был не только правилом, но и мотивом поступка)»³⁶. Очевидно, что эта мысль теснейшим образом перекликается с часто повторяемыми Толстым заявлениями, что главная задача человека — делать свое дело, а все остальное приложится.

Тождественны рассуждения Канта и Толстого о том, что самое важное в жизни — совершенствовать свою совесть, исполнять волю внутреннего судьи, подчинять ей свои поступки, что благоволение есть долг человека даже к человеконенавистнику, хотя любить его нельзя, но добро ему творить должно, необходимо. Наконец, оба великих мыслителя ратуют за любовь активную, выраженную в поступке, в действии, а не абстрактную, оторванную от жизни. Большое значение Кант, как и Толстой, придает нравственному самосовершенствованию личности, видя в нем главный рычаг морального перевоспитания человека.

Роднят Канта и Толстого их гуманистические воззрения. В любви к ближнему не должно быть ограничений, она должна осуществляться не только к праведнику, но и к тому, кто мало заслуживает уважения, кого едва ли можно любить, и любовь эту надо проявить так, чтобы человек, ставший ее объектом, мог сохранить уважение к себе.

Сходны со взглядами Л. Н. Толстого и мысли Канта о связи религии и морали. По Канту, мораль опирается на чистый практический разум, не нуждается в религии, но на этом этапе она проявляется в своей начальной, простейшей форме. Кант, как и Толстой, признавал, что атеист может быть нравственным человеком, но оба они считали, что высшие свои ценности мораль обретает, когда связывает себя с религией.

Вместе с тем подчеркивалось, что в этике великих мыслителей есть и противоположные взгляды. В частности, в оценке заповедей: «не судите», «не убий». Толстой осуждает всякое убийство и рассматривает его как преступление независимо от его мотивов. Кант же пишет: «Против законодательствующего главы государства нет правомерного сопротивления народа. Малейшая попытка в этом направлении составляет государственную измену, и такого рода изменник может караться только смертной казнью как за попытку погубить свое отечество»³⁷. Священной считал Кант частную собственность на землю, в отличие от Толстого, видевшего в ней одно из главных социальных зол. Кант утверждает, что церковь как учреждение «становится государственной потребностью». Толстой, когда окончательно сложились его взгляды, выступил с резкой и непримиримой критикой церкви. Русский писатель, будучи выразителем

³⁶ Кант И. Соч., т. 4, ч. 2, с. 327.

³⁷ Там же, с. 242.

идеологии патриархального крестьянства, решительно отвергал буржуазно-монархические и либеральные теории Канта.

Учение Канта восприняли не только передовые мыслители, его взгляды и идеи были подвергнуты трансформации современными буржуазными философами. Противоречивость кантовских положений они пытались истолковать в выгодном для себя духе, подвергая беззастенчивой фальсификации учение великого мыслителя. Идеологи нацизма искали аргументы для обоснования своих националистических планов.

В этике Канта они пытались найти истоки человеконенавистничества, шовинизма, расизма, отличающие фашистскую мораль. Поскольку ни одна из этих черт не была присуща классику немецкой философской мысли, фашистским претендентам на его наследство пришлось заняться откровенной фальсификацией.

Сущность националистической фальсификации этических идей Канта в идеологии германского фашизма раскрыла в своем выступлении Ю. М. Политова. Она отметила, что теоретики национал-социалистического мировоззрения полностью исказили подлинный смысл этического учения Канта, чтобы сделать его приемлемым для фашизма. Фашистские теоретики люто ненавидели буржуазную французскую революцию³⁸. При этом Розенберг подчеркивал, что одна из основных задач философии Канта состояла в том, чтобы преодолеть Просвещение³⁹. Под этим углом зрения ненависти к идеям французского Просвещения и в то же время стремления привлечь на свою сторону великого предка происходила фальсификация этического учения Канта.

Фашистские идеологи использовали в своих националистических целях не только реакционные стороны, как это принято считать, но демагогически сыграли и на прогрессивных сторонах учения великого мыслителя.

Они пытались придать мысли Канта о необходимости независимого от религии обоснования этики явно националистическую окраску. Сославшись на статью А. Розенберга «Коперник и Кант», написанную в феврале 1939 г., Ю. М. Политова отметила, что Розенберг выступает в ней против попытки «представить учение Канта на немецкой земле как нечто эпизодическое и чужеродное»⁴⁰. Попытки опорочить кантовскую философию, утверждал Розенберг, ведут свое начало от римской церкви, утверждавшей, что Кант будто бы «отравил жизнь нации», едва ли кто-либо другой так навредил отечеству, как Кант. За подобными заявлениями, по словам Розенберга, «стоят сознательные противники германского духа». В этом заключается, по его мнению, опощление Канта «неарийцами».

³⁸ *Rosenberg A. Blut und Ehre. Band IV. Tradition und Gegenwart. Reden und Aufsätze 1936—1940. München, 1941, S. 242.*

³⁹ *Ibidem, S. 238.*

⁴⁰ *Rosenberg A. Blut und Ehre. Gestaltung der Idee. Reden und Aufsätze von 1933—1935. Band II. München, 1936, S. 228.*

Только марксистско-ленинский анализ теоретического наследия Канта способствует всестороннему и глубокому раскрытию этических и эстетических взглядов немецкого мыслителя, помогает правильно понять и оценить его истинное значение в развитии философии, показать как позитивные, так и негативные стороны его учения. И это еще раз было подтверждено в сообщениях, которые сделали советские философы на конференции.

Д. М. Гринишин, Л. А. Калининков

ЦЕННЫЙ ВКЛАД В СОВЕТСКОЕ КАНТОВЕДЕНИЕ

На расширенном заседании кафедры философии и научного коммунизма Калининградского государственного университета состоялось обсуждение коллективного труда «Философия Канта и современность» (М., «Мысль», 1974). Заседание открыл заведующий кафедрой профессор Д. М. Гринишин.

О родстве человеческих поколений, разделенных четвертью тысячелетия, о глубинном единстве главного русла человеческой культуры, неизменно сохраняющего раз избранное направление, заставляет задуматься эта книга. Прочтение Канта в свете современной философской мысли делает труды мыслителя не менее популярными, чем труды Гегеля. Оно обогатит разработку целого круга сложных проблем гносеологии и методологии науки, этики и эстетики, без сомнения, окажет положительное влияние на преподавание курса философии в высших учебных заведениях в целом ряде его разделов.

С развернутой рецензией книги выступил доцент Л. А. Калининков. Он отметил, что, хотя книга есть плод коллективного труда, по своему характеру она приближается к монографии, внутренняя композиция которой построена на контрасте: первые восемь глав противостоят последним. В первой части рассматривается идейное наследие И. Канта с позиций марксистско-ленинской философии, во второй, дается критика феноменалистского, экзистенциалистского и неопозитивистского осмысления кантовского идейного наследия. Это содержательное противопоставление можно было бы провести и в оглавлении, закрепить и выразить его организационно: выделить соответствующие части со своей нумерацией глав для каждой из них. Общая логика работы от этого только бы выиграла, так как каждая из частей стала бы более цельной не в ущерб единству всего труда.

Если синтезировать те ответы, которые авторы дают в соответствующих главах на поставленный во введении вопрос: «Что привлекает исследователя-марксиста и человека наших дней вообще в философии Канта?», общий итог, полученный в результате этой операции, обнаруживает почти полное согласие:

главная одушевляющая Канта-философа страсть, основной пафос его философской системы в целом и всех ее частей заключается в стремлении к научности, к разработке гносеологических и логико-методологических проблем как естествознания, так и обществоведения, т. е. и этики, и эстетики, и правоведения.

Мы живем в мире научно-технической революции, в мире, где наука становится важнейшей общественной системой. Одним из проявлений НТР является бурное развитие науковедения и такой его части, как логика и методология науки. Кенигсбергский мыслитель, занятый именно этими проблемами, удивительно современен.

Уже во введении, написанном членом-корреспондентом АН СССР Т. И. Ойзерманом (он научный редактор и всей книги), система Канта называется «наукоучением». Она оправдывает это название и своим содержанием (логико-методологические проблемы познания), и своей формой (стремление к созданию научной философии).

В первой главе, автором которой является Манфред Бур, показано, как своеобразно социальные условия и теоретические достижения предшественников «перевариваются» Кантом и дают новый и оригинальный результат. Определяющая роль социальных предпосылок его философии, пройдя сквозь личность мыслителя, вылилась в систему, главное в которой — логико-теоретическое обоснование принципов научного, нормативного и оценочного сознания.

В главе, написанной В. Ф. Асмусом, анализируется трансцендентальный метод Канта. В. Ф. Асмус убедительно доказывает мысль о том, что сила трансцендентального метода Канта в моментах диалектики, к которой основоположник «критической» философии подошел вплотную и разработки которой никак нельзя было избежать, двигая философскую мысль дальше Кантовой. Уже «трансцендентальная эстетика» обнаруживает диалектичность, так как «Кант вносит априоризм в теорию чувственности». Это дает возможность рассматривать формы чувственного познания человека в их внутреннем диалектическом единстве с логическим мышлением, что и было сделано Гегелем в его «Энциклопедии философских наук»¹. Здесь же — в «Трансцендентальной эстетике» — находятся истоки ленинской идеи о категориях философии как ступенях выделения человека из природы, как качественно определенных моментах связи человека с ней.

Еще больше диалектических идей в «Трансцендентальной аналитике», которая подвергается В. Ф. Асмусом глубокому анализу. Диалектично как понимание Кантом категорий, так и «дедукция категорий внутри каждой из четырех основных групп», на которые он разделил все, как он считал, категории

¹ Гегель. Соч., т. 1, М—Л., 1929, с. 18.

рассудка. В самих принципах дедукции намечаются диалектические связи закона единства и борьбы противоположностей и закона отрицания отрицания, причем свое содержание категории получают только через диалектические связи в группах.

Дальнейшую конкретизацию намеченные диалектические принципы получают в разделе «Об амфиболии рефлексивных понятий...», где Кант под видом отношений между понятиями в суждении рассматривает взаимосвязи категорий «тождество и различие», «согласие и противоречие», «внутреннее и внешнее», «определяемое и определение (материя и форма)»². Ведущий советский кантовед в полном согласии с задачей своей главы анализирует отношения лишь первых трех категорий, ибо отношения последней пары категорий оказались у Канта выхолощенными в угоду метафизической сути системы. Правда, Асмус замечает, что «Кант рассматривает все возможные отношения между понятиями» (с. 62 книги), но у самого Канта нет здесь категоричности; с точки зрения же диалектического материализма, выбор Канта заведомо ограничен.

Открыв диалектические стороны «трансцендентального метода», показывает Асмус, Кант не сумел воспользоваться и малой толикой своего открытия, поскольку сузил поле его применения до одних «явлений».

Анализ В. Ф. Асмусом отношений согласия и противоречия в Кантовом понимании совершенно естественно переводит нас к содержанию главы «Логика антиномий Канта», написанной И. С. Нарским, где отрицательное влияние сужения области применения теоретического разума выступает еще более разительно. И. С. Нарский сумел показать, что это сужение приводит Канта, борющегося за теоретическую строгость философии, к логическим противоречиям.

Одна из сложнейших проблем кантоведения — проблема кантовских антиномий — с высот современных достижений марксистской диалектико-материалистической и современной формальной логики решается ясно и строго доказательно. И. С. Нарский убедительно показывает, что диалектико-материалистический принцип отражения, выражающийся в диалектической логике, в строгом различении объективных диалектических противоречий бытия и отражения этих противоречий в сознании, имеет определенный аналог в кантовском разделении мира на области феноменов и ноуменов. Этот дуалистический разрыв бытия приводит Канта к мысли о необходимости строжайшего соблюдения законов формальной логики в решении проблем логики трансцендентальной. Гегель, вставший на позиции абсолютного тождества бытия и мышления, частично утрачивает достижения Канта в области проблемы соотношения логики диалектической и логики формальной. В этой работе профессор Нарский обогатил

---

² Кант И. Соч., т. 3, с. 314—319.

щает свою идею об антиномиях-проблемах как важнейших структурах диалектической логики классификацией способов решения антиномий-проблем. Пограничными являются, с одной стороны, разрешение, полностью совпадающее с точной записью исходной конъюнкции (вырожденный случай, когда «заклученная в антиномии проблема (задача) состояла именно и только в том, чтобы эту запись с наивозможной точностью осуществить» (с. 75 книги), а с другой стороны, разрешение, приводящее к совершенно новому утверждению, в которое не входят в том виде, в каком они сформулированы, ни тезис, ни антитезис исходной антиномии. Все остальные случаи заключены между этими границами. В число антиномий, видимо, не следует включать, вопреки мнению И. С. Нарского, ситуации, где «синтез» ограничивается признанием одного лишь тезиса или антитезиса. На наш взгляд, их следует отнести к противоречиям-ошибкам, где ошибка — в антиномической форме записи неантиномических проблем.

И. С. Нарский подробно анализирует ошибки Канта в доказательстве тезисов и антитезисов антиномий, а также иллюзорность кантовского способа их разрешения. Эти ошибки определяются во многом пропастью между теоретическим и «практическим» разумом.

Этот разлад и кантовские попытки его преодоления анализируются в главе «Теоретические основы этики Канта», написанной О. Г. Дробницким.

Продолжая общую идею работы, Дробницкий отмечает, что принципиальные научно-методические проблемы этики — важнейшая сторона этики Канта. В «Критике практического разума» Кант занят проблемами не собственно этики, а метаэтическими проблемами, хотя на эту сторону дела до сих пор не обращено должного внимания.

Обобщая достижения своих прежних исследований, О. Г. Дробницкий показывает, что истоки многих идей в современной буржуазной этике содержатся уже у Канта.

Одним из достоинств главы является то, что она ставит важнейший в теории морали вопрос о соотношении моральной ценности и моральной нормы. Автор стремится перевести вопрос в плоскость диалектическую и рассмотреть это соотношение в его развитии. Однако трех страниц для этого не хватило, что и приводит автора к противоречию. С одной стороны, он согласен с Кантом, что «модус долженствования доминирует над ценностными формами представления (с. 145 книги), с другой — тут же выступает против него, утверждая, что если должное предшествует всякой практической цели человека, то само долженствование оказывается не только безосновательным, но и неопределенным, лишенным содержания, формальным и в конце концов чистым произволом...» (с. 147). Содержание доминирует над формой, а не форма над содержанием.

Трудности в решении этого вопроса не случайны. Они показывают, что многие проблемы философии морали еще нуждаются в дальнейшей углубленной разработке.

Завершает первый раздел глава «Место эстетики в философской системе Канта», автором которой является А. В. Гулыга. Все содержание этой интересной работы так и просится быть истолкованным в общем для коллективной монографии ключе: Кант и в своей эстетике решает общие проблемы всей теоретической системы. Определяющими для него остаются методологические проблемы эстетического познания. А. В. Гулыга, напротив, стремится доказать, что основной проблемой для Канта является проблема человека, что соприкосновение эстетики с познанием вызывается проблемой человека. Однако все аргументы получают значительно более естественное объяснение, если считать, что проблемы гносеологии и методологии научного познания определяют особенности кантовской эстетики.

М. К. Рыбалкин свое выступление посвятил идеям VIII главы книги «Место эстетики в философской системе Канта». Бесспорную заслугу автора главы А. В. Гулыги он видит в стремлении выявить фундаментальные, но еще мало изученные у нас принципы эстетики Канта. Автору главы удалось показать, что противоречия эстетики Канта отображают не только внутреннюю диалектическую противоречивость, имманентную, присущую самой эстетической (духовно-практической) деятельности, но и внешние противоречия между нею и внесстетическими видами человеческой деятельности (теоретическим познанием, моральными отношениями, материальной практикой) — по принципу тождества — противоположности, взаимной родственности и несводимости.

Доцент Э. В. Каракозова в своем выступлении остановилась в основном на второй части работы, в которой органически продолжены содержательные линии первой части. Гносеологическая и методологическая проблематика рассматривалась там в свете ее дальнейшего развития в рамках немецкой классической философии. Этот анализ восприятия кантовских идей буржуазной философией доведен до современной эпохи. И феноменология, и экзистенциализм, и неопозитивизм наследуют проблемы, поставленные Кантом, но разрешить их с идеалистических позиций любого рода невозможно. Невозможно также дать подлинно научную оценку философии самого Канта.

Э. В. Каракозова выразила пожелание шире показать связь идей Канта с неокантианством и современной идеологической борьбой. Именно неокантианство во многом обуславливает идеи так называемой «либерализации» социализма, классовую реакционную сущность которых отметил Л. И. Брежнев на Всемирном конгрессе миролюбивых сил.

В заключительной главе «Кант и неопозитивистская доктрина научного знания», написанной В. С. Швыревым, отметил в

своём выступлении преподаватель А. Н. Троепольский, обстоятельно показаны моменты сходства и различия кантовского и неопозитивистского гносеологического учения, вскрываются связи теоретической преемственности между ними. Пользуясь диалектико-материалистическим методом анализа, автор сохраняет все рациональные моменты анализируемых учений и стремится их развить. Глубоко и убедительно вскрываются ошибки неопозитивистской методологии и тех учений, которые, стремясь преодолеть недостатки неопозитивизма, тем не менее остаются на его исходных философских позициях.

Вместе с тем в главе есть и уязвимые места. Проблематично, например, суждение автора о том, что «учение об априорных формах интуиции (Канта)... не имеет прямой связи с обсуждаемыми в настоящее время методологическими проблемами структуры научного знания» (с. 422 книги), если учесть, что эта проблема все же обсуждается в литературе в связи с интуиционистской программой обоснования математики (см., например, журнал «*Kant-Studien*» за 1968—1973 гг.). В книге имеются технические недостатки, в некоторых случаях существенно искажающие смысл. Так, к примеру, на с. 438 можно прочесть о кантианстве, отрицавшем какое-либо рациональное методологическое зерно в концепции синтетического априори.

Кандидат философских наук И. М. Резник высказал ряд замечаний по адресу главы VII «Учение Канта о вечном мире». Он выразил мысль о том, что философское осмысление проблем мира необычайно злободневно, что изучение попыток такого рода, имевших место в истории философии, обнаруживает глубокую связь гуманистических традиций мировой культуры с марксистско-ленинской философией мира — философией исторического оптимизма, вскрывающей реальные социальные силы, которые своей борьбой способны обеспечить справедливый и демократический мир во всем мире.

Доцент В. М. Шупина обратилась к социальным истокам формирования философии Канта, проанализировав своеобразие буржуазного развития Германии и его связь с особенностями теоретической деятельности Канта.

В заключение профессор Д. М. Гринишин сказал, что обсуждаемая работа представляет собой ценный вклад в советское и мировое кантоведение. Она не столько подводит итоги, сколько ставит проблемы на фундаменте решенных проблем и может рассматриваться как важный этап в осмыслении творческого наследия Канта.